

Ю.Ф.КИРЮШИН, А.А.ТИШКИН

СКИФСКАЯ ЭПОХА ГОРНОГО АЛТАЯ

Часть I

**КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ
В РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ**

Алтайский государственный университет

Исторический факультет

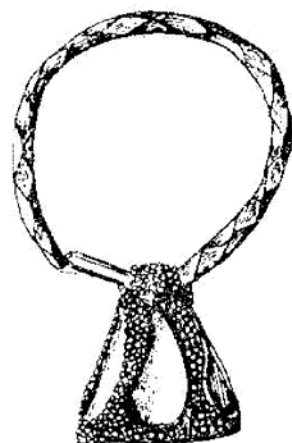
Ю.Ф.КИРЮШИН
А.А.ТИШКИН

СКИФСКАЯ ЭПОХА ГОРНОГО АЛТАЯ

Часть I

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ В РАНЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Ответственный редактор
академик РАН В.И.Молодин

Издательство Алтайского государственного университета

Барнаул — 1997

УДК 930.26 (571.151) + 91 (571.151)
ББК 63.4 (2Р537) 273.1 + 63.3 (2Р537) 233-7

*Подготовка и издание этой книги осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 96-01-16228)*

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. — Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1997. 232 с., илл.

Монография является первой обобщающей работой, где отражена культура населения Алтая в раннескифское время. В ней рассматривается многолетняя история изучения археологических памятников, положенных в основу исследования, а также вводятся в научный оборот новые и малоизвестные материалы предтравленной эпохи. Авторами осуществлен детальный анализ погребальных сооружений и вещевого комплекса на основе классификационных разработок. Впервые подробно рассматривается хозяйственная деятельность, уклад, быт, домашнее производство и запятия. Всесторонний и комплексный подход к изучению всех источников показал многогранность культуры населения названной эпохи, ее развитие, а также общность ряда показателей для сопредельных территорий, что позволило говорить о культурно-генетических связях населения Алтая, Тувы, Монголии и Казахстана. В книге представлены краунологические материалы из раннескифских могильников Алтая.

Издание рассчитано на археологов, историков, этнологов, антропологов, музейных работников, краеведов, студентов, всех интересующихся древней историей Алтая и сопредельных территорий.

*The preparation and edition of this book is carried out with support
of Russian Humanitarian Scientific Fund (project № 96-01-16228)*

Kiryushin Y.F., Tishkin A.A. Scythian Epoch in Mountain Altay. Part I. Culture of the population in Early Scythian Time. — Barnaul: Altay State University publishing house, 1997. 232 pp., appendix.

The monography is the first generalizing work where the culture of Altay population in Early Scythian time is reflected. It deals with a long history of studying the archaeological sites that made the base of the research, and also introduces into scientific circulation new and little known material of the presented epoch. The authors analysed in detail burial buildings and material complex based on classificational working-outs. Economic activity, style and ways of life, development of home manufacturing are considered in detail for the first time. All-round complex approach to the study of all the sources showed variety of the population culture of the studied epoch, its development, and also community of a number of parameters for the contiguous territories, what allowed to speak about cultural-genetic connections of the populations of Altay, Tuva, Mongolia and Kazakhstan. The book presents craniological materials from early scythian burial grounds in Altay.

The publication is addressed to archaeologists, historians, ethnologist, museum assistants, researchers of local lore, history and economy and everybody who is interested in ancient history of Altay and its contiguous territories.

Рецензенты: доктор исторических наук В.В.Вобров,
кандидат исторических наук А.С.Суразаков,
кафедра отечественной истории
Барнаульского государственного педагогического университета.

На аналитику: изображение головы лосихи из местонахождения Вакулиха-1 (находка В.Б.Воробьева, рисунок А.Л.Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

	стр
Введение	6
Глава I. История исследований и изучения археологических памятников скифской эпохи Горного Алтая	9
1.1. Дореволюционные находки и результаты исследований	9
1.2. Археологические исследования материальной культуры населения скифской эпохи Горного Алтая в советское время (20-70-е годы)	12
1.3. Новый этап в накоплении и осмыслении археологического материала раннескифского времени Алтая	23
Глава II. Памятники раннескифского времени Горного Алтая	31
2.1. Курганные могильники	31
2.2. Случайные находки, клады, местонахождения, пещеры	41
2.3. Поселения	42
Глава III. Погребальный обряд населения Горного Алтая в раннескифское время	43
3.1. Типы погребальных сооружений IX-VI вв до н.э.	43
3.2. Ориентация и положение погребенных людей в курганах раннескифского времени Алтая	49
3.3. Особенности погребального обряда у населения раннескифского времени Алтая и сопредельных территорий	54
Глава IV. Вещевой комплекс раннескифской эпохи Алтая	63
4.1. Элементы конского снаряжения	63
4.2. Орудия труда. Предметы вооружения	76
4.3. Керамика. Предметы туалета, одежды и украшения. Вещи, оформленные в зверином стиле	86
Глава V. Хозяйственная деятельность населения раннескифского времени Алтая	93
5.1. Основные характеристики природных условий Алтая	93
5.2. Разведение и использование домашних животных в раннескифское время на территории Горного Алтая	98
5.3. Виды домашнего производства и другой деятельности	105
Заключение	111
Список использованной литературы	113
Архивные материалы	133
Список сокращений	134
Приложение	135
Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая (С.С.Тур)	136
Иллюстрации	148
Подписи к иллюстрациям	219
Summary	223

ВВЕДЕНИЕ

Каждая ступень древней истории оставляет различные материальные результаты, дошедшие до нас в виде археологических памятников, исследование и изучение которых позволяет реконструировать культуру населения, проживавшего в определенное время на конкретной территории. При этом необходимо учитывать многогранность происходивших процессов интеграции и дифференциации человеческих коллективов, важно иметь определенное количество данных, чтобы стало возможным отражение реальных форм общественной, духовной и хозяйственной деятельности людей.

Вопрос о том, что представляла собой культура населения Алтая в раннескифское время ставился неоднократно, однако материалы не позволяли исследователям обосновать в нужном объеме уровень развития общества на изучаемом этапе, что все же не помешало ученым выдвинуть целый ряд культурно-хронологических концепций, основным недостатком которых была слабая опора на фактологический материал. Подобный подход усложнил понимание действительно происходивших процессов, особенно в связи с получением результатов новых раскопок. Поэтому возникли противоречия и нерешенные проблемы при интерпретации увеличившихся источников. Нагромождение схем и терминов, в которых уже обозначены культуры, локальные варианты, периоды, стадии, территориальные и хронологические привязки, поставили перед другими исследователями ряд сложностей и дилемм: либо «загонять» материал отдельных курганов в уже существующие выкладки, либо использовать выдвинутые ранее предположения и названия условно, либо выдвигать новые концепции, либо ничего не публиковать и ждать прояснения ситуации, либо вводить в научный оборот находки без каких-то культурных определений, выдвигая лишь предположительную датировку. В последнее время наметилась еще и такая тенденция, когда полученный при раскопках материал или отдельные находки, относились к «раннескифскому времени», без указания конкретных дат, но иногда и уточняя хронологические рамки такого периода. Подобная ситуация возникла не случайно и, на наш взгляд, является следствием того, что за всю историю изучения рассматриваемой эпохи появилось большое количество разных слов и словосочетаний, которые определяют одно и то же время существования культуры населения, проживавшего в горных и предгорных районах Алтая. Из всего имеющегося перечня назовем такие: «майэмирский этап», «майэмирская культура», «ранняя и поздняя стадия майэмирской культуры», «усть-куюмский локальный вариант майэмирской культуры», «куртуско-катонский локальный вариант майэмирской культуры», «начальный этап культуры ранних кочевников», «начальная стадия эпохи раннего железа», «доскифский период», «предскифский период», «куртуский этап», «куртуско-майэмирский этап», «куюмский тип памятников» и т.д. Все эти определения, схемы, предположения и концепции находятся в русле трех основных подходов, высказанных в свое время М.П.Грязновым, С.В.Киселевым и С.И.Руденко, хотя наметились и другие.

Не решен до конца вопрос о хронологических рамках раннескифской эпохи в целом и времени сооружения рассматриваемых памятников. Исследователями предлагались такие датировки: VII-V, VII-VI, VIII-VI, IX-VI, IX-VII вв до н.э., иногда с разделением внутри представленных периодов.

На наш взгляд, многообразие различных точек зрения отражает не только интерес к проблеме, но и поиск путей культурно-хронологической интерпретации получаемых данных. При

этом основные показательные характеристики рассматриваемой ступени исторического развития не раскрываются. Лишь некоторым ученым принадлежат попытки осмысления археологического материала на базе других или комплексных подходов.

Актуальность предлагаемого издания заключается, прежде всего, в наполнении конкретным массовым материалом содержания культуры раннескифского времени Алтая, что дает возможность отразить различные стороны существования общества и его деятельности. Кроме того, накопленные за последнее десятилетие в результате широкомасштабных археологических раскопок данные требуют подведения и обобщения итогов исследований с учетом всех прежних представлений, но на более высоком источниковедческом и методическом уровне. Это позволит заложить фундамент для последующего изучения и более детальной разработки представленных направлений интерпретации материалов одного из важнейших и малоизученных периодов древней истории такой культурно-хозяйственной области, как Алтай.

Основной целью монографии является обобщающая характеристика культуры населения Алтая в раннескифское время, поэтому подробно рассматривается более 150-летняя история изучения археологических памятников, относимых к скифской эпохе, определен круг источников и представлены все выдвинутые культурно-хронологические концепции.

В связи с тем, что большинство погребений людей раннескифского времени оказалось разрушено и наиболее показательными являлись погребальные сооружения, то необходимо было разработать оптимальный подход для изучения, реконструкции и семантики погребального обряда, а также для определения особенностей такого рода явления и сравнения его с другими в ближайших хронологических и территориальных границах. Для реализации этой цели использовались принципы и возможности таксономического группирования.

В книге представлен анализ всего комплекса найденных вещей, разработаны классификационные системы изучения наиболее массовых и хронологически значимых изделий исследуемой эпохи. Кроме этого, представилась возможность зафиксировать и интерпретировать данные о направлениях хозяйственной деятельности населения Алтая в раннескифское время, реконструировать некоторые виды домашнего производства и занятий.

Территориальные рамки исследования в основном определены распространением изученных археологических памятников обозначенного времени, однако это не предполагает жесткость границ и отмечены перспективы их расширения. Хронологически работа охватывает период IX-VI вв до н.э.

Источниковедческой базой монографии являются материалы разных археологических объектов, которые в свое время исследовались авторами этой книги, а также М.Т.Абдулгансевым, А.В.Адриановым, Ю.П.Алехиным, Е.М.Берё, В.В.Бородаевым, М.А.Деминым, В.А.Кочевым, В.Д.Кубаревым, О.В.Лариным, Л.С.Марсадовым, В.А.Могильниковым, В.А.Посредниковым, С.С.Сорокиным, Г.П.Сосновским, Н.Ф.Степановой, А.С.Суразаковым, П.И.Шульгой и некоторыми другими. Кроме этого, в работе использовались материалы коллекций и архивных документов, хранящихся в различных учреждениях следующих городов: Москвы (ГИМ, ИА РАН), Санкт-Петербурга (ГЭ, РЭМ), Новосибирска (ИАиЭ СО РАН), Барнаула (АККМ, МАА АГУ, музей ВГПУ), Вийска (БКМ), Горно-Алтайска (ГАРКМ, музей при ГАГУ, ГАИГИ), Рубцовска, Змеиногорска. Авторы выражают глубокую признательность А.С.Суразакову, В.А.Кочеву, П.И.Шульге, В.В.Бородаеву, М.А.Демину за возможность работы с неопубликованными материалами и частичном использовании их при создании этой монографии. Определенную группу источников составили публикации исследователей, написанные в разные годы. К этому следует добавить использованные при написании монографии различные данные, основанные на остеологических определениях животных, выполненных А.В.Гальченко, на соотношении половозрастных показателей погребенных людей, представленных в свое время А.Р.Ки-

мом, на результатах технико-технологического анализа керамики, сделанного Н.Ф.Степановой, на изучении образцов древней ткани, описанных Е.А.Миколайчук и Т.Н.Глушковой, на минералогических определениях Г.Я.Барышникова, Н.Н.Девшиной, Е.Л.Дзагоевой, на исследованиях гиппологов Ю.Н.Барминцева, В.О.Витта, В.И.Цалкина о древних и современных лошадях, на географических характеристиках, этнографических наблюдениях, палеоклиматических реконструкциях и т.д. Отдельно отметим проделанную С.С.Тур работу по изучению палеоантропологического материала раннескифской эпохи Алтая, которая представлена в приложении данной монографии.

В ходе реализации поставленных задач применялись традиционные археологические методы исследований: картографирование и изучение планиграфии курганных могильников; анализ и классификация вещевого комплекса, погребальных сооружений; метод датированных аналогий; сравнение и сопоставление полученных результатов; элементы и приемы статистической обработки; оригинальные методы археологических реконструкций, семантика древних явлений и объектов. В ряде классификационных построений для конкретных категорий источников использовались принципы, подходы и некоторые термины, ранее предложенные Н.А.Боковенко, И.Л.Кызласовым, С.В.Неверовым, В.С.Ольховским. Монографическое исследование построено на общетеоретических разработках и исторических реконструкциях археологической науки, имеющихся в работах В.Ф.Генинга, В.В.Генинга, И.С.Каменецкого, Л.С.Клейна и других.

Представленная монография является первой обобщающей работой, где отражена культура населения Алтая в раннескифское время. Отдельно рассматривается многолетняя история изучения археологических памятников, положенных в основу исследования, а также вводятся в научный оборот новые и малоизвестные материалы обозначенной эпохи. Впервые подробно рассматривается хозяйственная деятельность, уклад, быт, развитие домашних производств и другое.

Всесторонний и комплексный подход к изучению всех источников показал многогранность культуры населения Горного Алтая в раннескифское время, ее развитие. Выявленные общие показатели для культур сопредельных территорий позволили говорить о культурно-генетических связях населения Алтая, Тувы, Монголии и Казахстана в изучаемый отрезок времени.

Авторы выражают благодарность всем тем, чей самоотверженный труд в полевых условиях способствовал получению необходимых материалов для написания этой книги, а также своим коллегам, которые словом и делом, одобрением и критикой искренне желали успеха.

Данная книга является первой частью проекта «Скифская эпоха Горного Алтая». Во второй части предполагается отразить наиболее полные характеристики культуры населения Пазырыкского времени.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ

1.1. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАХОДКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Открытия археологических памятников на Алтае были связаны с поиском полезных ископаемых в этом регионе /Демин М.А., 1986, 1989/. Первые указания русских источников на существование здесь остатков древнего горно-металлургического производства относятся к XVI-XVII вв /Демин М.А., 1980, с.131-132/. По мере колонизации русскими новых территорий расширялся ареал промысла бугровщиков. Начало этому положили служивые люди задолго до рудных изысканий. Эпидемия поиска «могильного золота» затем нередко охватывала целые селения и даже регионы, на что не раз обращали внимание ученые, исследователи, путешественники и государственные чиновники. «Гулящие люди» открыли новый источник доходов, пользуясь бесконтрольностью со стороны государства, а чиновники царской администрации в Сибири старались тайным путем организовать этот промысел в своих интересах /Кызласов Л.Р., 1962, с.46/.

В 1715 году второй жене Петра I Екатерине по случаю рождения царевича горнозаводчиком А.Н.Демидовым были преподнесены золотые украшения /Там же, с.47/, найденные в курганах, раскопанных, возможно, в предгорьях Алтая на территории Алейской степи (?) /Кубарев В.Д., 1991, с.6/, где зафиксированы огромные, так называемые «царские» курганы, со следами неоднократных ограблений. Одна такая группа из 5 курганов обнаружена в окрестностях села Бугры Рубцовского района /Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996, с.152/, имеются сведения о других подобных сооружениях, расположенных на близлежащих территориях /Алехин Ю.П., 1986б, с.84-86; Алехин Ю.П., Демин М.А., 1993, с.235-238 и др./.

Сибирский губернатор М.П.Гагарин в 1716 и 1717 годах присылал в Петербург две небольшие партии древних изделий из золота /Кызласов Л.Р., 1962, с.47/, которые в совокупности с первым поступлением от А.Н.Демидова составили уникальную археологическую коллекцию, известную под названием Сибирская коллекция Петра I /Руденко С.И., 1962/.

В столичные государственные учреждения и царю направлялось множество официальных и неофициальных сообщений о древних находках в Сибири /Радлов В.В., 1965, с.147-216; Кызласов Л.Р., 1962; Демин М.А., 1980 и др./.

Грабительские раскопки курганов, а затем переплавка многих изделий, привели к тому, что без следа исчезали свидетельства культуры древних народов. И хотя Петр I издал ряд указов и распоряжений, направленных на запрещение хищнических раскопок и сбор имеющихся древностей, все-таки прекратить этот дикий промысел не удалось.

Часто сведения об археологических находках не доходили до ученых, сохранившиеся вещи попадали в частные коллекции любителей старины, либо, в лучшем случае, передавались в создаваемые музеи. Так, например, на базе Минералогического кабинета, существовавшего в Барнауле при окружной Канцелярии с 1764 года, был развернут в 1823 году богатый древностями музей, ставший местом накопления и хранения различных археологических сведений и материалов.

Организованные научные экспедиции под руководством Д.Г.Мессершмидта, Г.Ф.Миллера, И.Г.Гмелина, П.С.Палласа и других ученых внесли крупный вклад в археологические исследования и стали первыми попытками осмысления исторического прошлого Сибири

/Белокобыльский Ю.Г., 1986; Демин М.А., 1977, 1980, 1989; Кызласов Л.Р., 1962 и др./.

Заметную роль в изучении и собирании древностей Алтая играли местные краеведы, немногие из которых стали настоящими признанными учеными /Демин М.А., 1981, 1989/, но именно эти увлеченные люди оставили нам ценную и порой единственную информацию о многих замечательных археологических находках. Благодаря деятельности начальника Колывано-Воскресенского округа, талантливого инженера и страстного собирателя древностей П.К.Фролова нам известны изделия скифской эпохи, которые ныне хранятся в Эрмитаже, ГИМе и Историческом музее в Стокгольме (Степная полоса ..., 1992, с.161).

В начале 40-х годов XIX века горный инженер А.Остермейер при ведении геологических изыскательских работ на Мельничной горе близ г.Змеиногорска случайно обнаружил захоронения в каменных ящиках, в одном из которых находился скелет человека, а во втором кости и череп лошади. Найденный при этом инвентарь состоял из медного ножа, наконечников стрел, принадлежностей конской сбруи и других предметов /Демин М.А., 1989, с.36/. План могилы и рисунки найденных вещей были скопированы С.И.Гуляевым, а затем переданы известному исследователю Г.Меньс /РЭМ, ф.1, оп.2, № 212, л.2/. Найденные в захоронении предметы в то время находились у горного инженера полковника А.Остермейера, который также имел и другие древние изделия.

В архиве Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург) (фонд Н.С.Гуляева) хранится рукопись статьи «О буграх или курганах в Сибири», где дается самое подробное описание раскопанного кургана на Мельничной горе (эту информацию любезно предоставил М.А.Демин): «В 1840 или в 1841 г. был раскопан бугор между рудниками Змеиногорским и Петровским, как видно не тронутый бугровщиками. В окружности был до 6 сажень (12,8 м), вышиной до 1 1/2 аршина (1,06 м). Могила состояла из 2-х отделений, обложенных с боков гранитными плитами. На глубине 2 1/2 аршина (1,77 м) от поверхности лежал скелет покойника, а в другой скелет лошади. Обе могилы были покрыты гранитными же плитами, которые от тяжести набросанной на них земли и от времени переломились и лежали на костях. Подле скелетов найдены медные вещи, весьма хорошо сохранившиеся. Казалось, что они покрыты каким-то составом. Также хорошо сохранилось острие деревянной стрелы, ... несколько не потерпевшей от времени ...». Эти сведения были изложены известному краеведу горным чиновником В.М.Поповым, который имел план этой могилы и рисунки найденных вещей в натуральную величину. Автор рукописи жалеет о том, что не обратили внимание на положение покойника и не измерили длину скелета /РЭМ, ф.1, оп.2, № 213, л.7-8/. Таким образом, мы имеем первое в истории изучения эпохи раннего железного века Алтая подробное описание зафиксированного в кургане погребального обряда раннескифской эпохи ни разу не использованное учеными-специалистами, исследовавших этот этап истории древних племен нашего региона. Знание этого материала позволяет связать многочисленные случайные и отдельные известные находки с определенным населением, оставившим погребальные комплексы подобные вышеописанному и которых у нас обнаружено пока немного. Что касается найденных вещей в кургане на Мельничной горе, то их рисунки, как видно, сразу же заинтересовали исследователей и попали в научный оборот.

В 1877 году в Хельсинки был издан атлас «Древности финно-угорского севера». Автором этого проекта являлся преподаватель Хельсинского университета доктор Иоанн Рейнгольд Аспелин, который в таком издании впервые опубликовал рисунки бронзовых вещей, обнаруженных на Алтае близ Змеиногорска. Среди них под №№ 285-288 обозначена коллекция предметов, обнаруженных в кургане на Мельничной горе. Находки, упомянутые в атласе, были перепубликованы с комментариями В.Б.Бородаевым /1986а, с.94-98/. Стоит сожалеть, что так и не был опубликован план могилы, обнаруженной на Мельничной горе, хотя не исключена вероятность существования в архивах одной из копий имевшегося чертежа.

С детальностью В.В.Радлова связано начало нового этапа в археологии Сибири /Белокобыльский Ю.Г., 1986, с.60-66/, т.к. он не только производил массовые раскопки, но и сделал теоретические обобщения археологического материала в сопоставлении с лингвистическими и этнографическими данными. На Алтае в 1865 году В.В.Радлов произвел раскопки двух больших курганов (Катандинский и Берельский), давших удивительные находки. Исследователь на основе данных, полученных при полевых исследованиях, выделил четыре хронологические эпохи в развитии материальной культуры древних аборигенов Сибири, описывал и классифицировал обнаруженный вещественный инвентарь. В.В.Радлов по заданию Археологической комиссии осуществлял издание «Сибирских древностей», где публиковались не только его работы, но и исследования других ученых. В Археологическую комиссию В.В.Радлов передавал и вещи, главным образом бронзовые, из курганов, раскопанных у Змеиногорска в конце прошлого века /Ковешникова Е.А., 1992, с.36/.

Среди тех исследователей, которые пытались обобщить археологические материалы, необходимо также отметить В.М.Флоринского, который, несмотря на ошибочные выводы в своей работе «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» (1894 г.), интуитивно определил культурную общность племен предскифской и скифской эпох евразийских степей /Белокобыльский Ю.Г., 1986, с.88-91/.

В течение многих лет изучением памятников археологии занимался А.В.Адрианов, который не только удовлетворял свое любопытство, но и исследовал древности из-за того, что после наплыва населения из европейской части России увеличилось число расхищенных и уничтоженных курганов. Понимая, что при раскопках памятник почти полностью уничтожается, исследователь вел подробные дневники и добросовестно собирал все материалы, которые бы интересовали специалистов-археологов. Одна из его статей «Курганография Сибири» приобрела среди любителей старины особую популярность, т.к. в ней содержались инструкции по сбору археологического материала и описанию древностей /Жук А.В., 1995, с.14/.

В 1906, 1910 и 1911 годах А.В.Адрианов проводил археологические изыскания в Семипалатинской области. Результаты этих работ опубликованы в Известиях Императорской археологической комиссии в 1916 году. Адриановым А.В. были раскопаны курганы в степи на р.Майэмир, под Солонечным Белком Нарымского хребта, по правому берегу р.Бухтармы выше д.Черновой, материалы которых затем легли в основу представлений о начальных этапах формирования скифской культуры на Алтае, использовались при написании обобщающих научных трудов и до сих пор не потеряли своей значимости. Однако, А.В. Адрианов, производивший исследования на краеведческо-любительском уровне, в силу известных объективных причин, все же не смог избежать ошибок при полевых раскопках, потому что применяемая методика изучения курганных захоронений не давала полного представления о погребальных сооружениях раскопанных объектов, а ограбленность могил и частичное их разрушение усугубили недостаточность работ. Поэтому, с определенной долей условности, по ряду признаков и найденным вещам, нужно относить некоторые курганы к кругу памятников раннескифской эпохи. И далее стоит с осторожностью использовать полученный А.В.Адриановым на Алтае материал, о чем справедливо заметил В.А.Могильников /1986, с.51/.

Впервые А.В.Адриановым изучались и раскапывались кольцообразные выкладки. Результатом этого стала находка знаменитого клада, который ряд ученых не связывает с исследованным сооружением, считая, что вещи попали туда намного позднее /Черников С.С., 1949, с.6/, после ограбления ближайших курганов и были спрятаны под валуном /Руденко С.И., 1930; 1960, с.12/. Мнение С.И.Руденко при детальном изучении майэмирских предметов поддержала Л.Л.Баркова /1983, с.20/. Однако есть предположение о синхронности сооружения кольцообразной выкладки и положенного набора вещей /Степная полоса ..., 1992, с.165/.

Обнаружением и изучением петроглифов Алтая в дореволюционное время занимался целый ряд исследователей /Окладникова Е.А., 1984; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992/. Это позволило позднее выявить целый пласт изображений, относящихся к эпохе раннего железа и соотносить их с археологическими находками.

1.2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ (20-70-Е ГОДЫ).

В 1924 году на Алтай прибыла экспедиция Русского музея, руководителем которой был С.И.Руденко, имевший за плечами большой опыт научной деятельности. Небольшая группа исследователей, проделавшая огромный объем работы /Бородаев В.В., 1986б, с.4/, в том числе проведены археологические разведки и раскопки: открытие Пазырыкских курганов, изучение могильника Кудыргэ, курганов долины р.Улаган, урочища Арагол. В 1925 году отрядом С.И.Руденко изучалась западная часть бассейна р.Катунь, а в 1927 году -- южная часть Горного Алтая. В результате этого был накоплен колоссальный объем информации, состоявший не только из археологических результатов и наблюдений, но и содержащий этнографические, географические и другие сведения. Летом 1927 года М.П.Грязнов в течение 47 дней исследовал огромный каменный курган в урочище Шибэ на р.Урсул. Краткое сообщение об этом было опубликовано в 1928 году /Грязнов М.П., 1928/ и только спустя 50 лет результаты раскопок были представлены полностью /Баркова Л.Л., 1978, с.37-44; 1979, с.55-65; 1980, с.48-58/.

В 1929 году началось изучение первого Пазырыкского кургана, который исследовался М.П.Грязновым при непосредственном руководстве С.И.Руденко. Был получен удивительный по содержанию и огромный по количеству научных материал мирового значения. Статья, посвященная осмыслению находок в Пазырыке, «Скифская проблема и алтайские находки» /Руденко С.И., 1944, с.166-275/ появилась только после длительного перерыва, хотя об исключительности найденных на Алтае памятников было объявлено С.И.Руденко еще до начала планируемыми раскопок /Ленинградская правда, 1929/, а предварительные научные сообщения о результатах исследования первого Пазырыкского кургана опубликовано в 1931 году /Руденко С.И., 1931, с.25-31/.

В 1928-29 гг. вышло ряд статей М.П.Грязнова, где рассматривалось своеобразие курганов Алтая, в которых обнаружена мериота, сохранившая органические материалы. В 1930 году М.П.Грязнов пытается установить относительный возраст древних курганов по сохранившимся в них древесине. Известно, что размер и вид годичных колец деревьев находится в зависимости от климатических особенностей того или иного года, поэтому возможно по остаткам бревен из древних памятников, близких между собой по времени, установить их относительную хронологию /Грязнов М.П., 1930в, с.224-227/. Вероятно, что такой подход в изучении археологического материала, был осуществлен не без влияния С.А.Теплоухова, который всегда обращал внимание своего ученика на большое значение географической среды и природных условий в существовании человека на земле /Шевченко О.В., 1992, с.79/.

Стоит остановиться подробнее на работе М.П.Грязнова «Древние культуры Алтая» /1930а/, где исследователь, опираясь на ранее известные материалы, используя периодизацию разработанную С.А.Теплоуховым для Южной Сибири, привлек результаты новых археологических данных и разработал схематическое построение смены культур Алтая, подразделив памятники на семь основных этапов. В этой статье дана первая сводка обнаруженных конкретных вещей, послужившая базой для формирования культурно-хронологических представлений развития древнего общества на рубеже эпох (бронзы и железа), что дает возможность проследить начало эволюции научных разработок ученого и направления его исследований. В предложенном М.П.Грязновым делении схематично определена последовательность сменяющихся культур, по

вет конкретные хронологические привязки. Для более совершенной периодизации не хватило единичных и случайных находок, нужен был массовый материал, отражающий различные стороны жизнедеятельности древних людей, а для этого требуются десятилетия напряженной работы. Тем не менее первый опыт периодизации археологических памятников Алтая, предложенный М.П.Грязновым в 1930 году, считается одним из важных результатов его работы /Аванесова Н.И., Кызласов Л.Р., 1985/ и не потерял своего значения до настоящего времени.

В 1929 году при расширении Чемальского тракта в устье р.Куом был обнаружен курганный могильник, который обследовал П.П.Хороших /Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1988, с.169/. В 1932 году С.М.Сергеевым на этом могильнике вскрыто 4 погребения, а в 1936 — работала экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Г.П.Сосновского. Среди исследованных погребений одно было датировано Г.П.Сосновским VII-VI вв до н.э. и отмечено, что оно сооружено ранее Пазырыкского кургана, является синхронным памятникам определенного культурного этапа (Майэмир, Березовка), характеризующего наиболее ранних кочевников Алтая /Сосновский Г.П., 1941, с.306/. Л.С.Марсадолов обратившись к исследованиям 30-х годов в Усть-Куюме, через 40 лет опубликовал подробные результаты раскопок, где к эпохе ранних кочевников отнес еще 3 сильно ограбленные могилы (каменные ящики 2,10,11) и поминальную выкладку в раскопе 4 /Марсадолов Л.С., 1981а, с.13/.

В 1935 году Саяно-Алтайская экспедиция ГИМА и АИМК работала на Алтае в связи со строительством Чуйского тракта. Отчет об этом опубликован Л.А.Евтюховой и С.В.Киселевым в 1941 году /с.75-117/. Экспедицией был проведен большой объем разведочных и раскопчных работ в различных местах Алтая, но все же должного использования в научных исследованиях он не получил, хотя, по мнению С.В.Киселева, раскопки курганов бронзового и железного века, в свое время, позволили дополнить и уточнить созданную им периодизацию /Киселев С.В., 1949, с.6/. Раскопанные захоронения в грубых каменных ящиках близ окрестностей с.Курай были включены в круг памятников карасукского времени (XII-VII вв до н.э.) /Там же, с.92/. Впервые возможность отнесения их к раннескифскому времени предположил Л.С.Марсадолов /1981а, с.21/.

Главной проблемой 30-х годов нашего столетия было отсутствие глобальных концепций развития человеческого общества, в русле которых бы шло изучение материальных остатков ушедших в прошлое культур. Для этого в ГАИМК была сформирована исследовательская группа по истории кочевого скотоводства в составе В.В.Гольмстена, М.П.Грязнова, Г.П.Сосновского и М.И.Артамонова /Артамонов М.И., 1977, с.4-13/. Результатом проведенных работ стали общие-известные сейчас положения: 1. До господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство срубно-андроновского типа эпохи бронзы. 2. Кочевое скотоводство возникает только в конце эпохи бронзы и окончательно утверждается в период распространения железа в скифо-сарматских культурах.

Созданная в то время концепция уже нашла свое отражение при подготовке и написании Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, где М.П.Грязновым написан параграф «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана» /Грязнов М.П., 1939/. Здесь в популярной форме без достаточной аргументации исследователь выделил три хронологические группы могильных памятников на Алтае: майэмирскую, пазырыкскую, шибинскую. Такое же принципиальное деление, конечно же известное М.П.Грязнову, еще в 1918 году предложил А.А.Спицын, разделив скифские памятники Восточной Европы на три хронологических этапа: старшескифский (вторая пол. VII-VI вв до н.э.), среднескифский (конец VI и V вв до н.э.) и позднескифский (IV — первая пол. III вв до н.э.). Это деление сохраняется по сей день, уточняется лишь абсолютная хронология этапов и отдельных памятников внутри каждого из них /Степи европейской части..., 1989, с.49/. Старшескифский период, по А.А.Спицыну, в современной научной литературе называется раннескифским.

Предложенное в 1939 году деление археологических памятников Алтая требовало хорошо аргументированного обоснования. 5 июля 1945 года М.П.Грязнов в докладе на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК изложил основания для выделения наиболее древней (майэмирской) группы памятников. Материалы доклада были в развернутом виде опубликованы /Грязнов М.П., 1947б, с.9-17/. Памятники майэмирского этапа, на имеющихся к тому времени находках, отделены от остальных, более поздних, по трем основным признакам: конструкция узды, формы бронзовых зеркал и полное отсутствие железа (все орудия бронзовые и имеют древние формы, близкие к карасукским) /Там же, с.9-10/. Основываясь на выделенных признаках, М.П.Грязнов перечислил немногочисленные памятники Горного Алтая и имеющиеся отдельные вещи: курганы и клад в Майэмирской степи, курганы под Солонечным Белком, погребения в Усть-Куюме на р.Катуни, комплект бронзовых предметов от верховой сбруи, найденный близ Змеиногорского рудника, два комплекта сбруи из Семиналатинского музея и случайные находки. Кроме этого, даны и конкретные хронологические рамки существования культуры ранних кочевников на этом этапе — VII-V вв до н.э., отмечены резкие отличия от памятников карасукской культуры предшествующей эпохи, наличие погребения коня, отсутствие глиняной посуды, архаичность «звериного стиля», экономическая и социальная дифференциация общества и кочевое скотоводство как основа хозяйства. Ко всему прочему, к майэмирскому этапу отнесены памятники оседлых групп населения из районов Верхней Оби и низовьев Катуни. Только после раскопок 1946-49 гг на Ближних Елбапах были разграничены области распространения памятников, оставленных представителями горно-алтайских традиций ранних кочевников, и памятников болысчеченской культуры /Грязнов М.П., 1956б, с.44-98/. Также, отметив сходство и различие болысчеченских памятников Верхней Оби и майэмирских Горного Алтая, М.П.Грязнов сузил хронологические рамки майэмирского этапа VII-VI вв до н.э. /Там же, с.70-71/.

В 1947 году С.В.Киселев, анализируя памятники скифского времени на Алтае, соглашается с выделением М.П.Грязновым майэмирского этапа, но называет его культурой, которую несколько позже разделяет на две стадии: раннюю (VII-VI вв до н.э.) и позднюю (V-IV вв до н.э.) /Киселев С.В., 1949, с.167-176/. Отмечая архаичные черты, прежде всего в погребальном обряде (скорченное положение), майэмирские памятники Алтая напоминают ему обрядовость бронзового века. По мнению С.В.Киселева, послекарасукское развитие культуры алтайских племен во многом совпадает с тагарским. Исследователю это удалось проследить благодаря раскопкам А.В.Адрианова на Западном Алтае. Рассматривая известные из курганов Алтая находки автор «Древней истории ...» сравнивает их, в основном, с подобными вещами тагарской культуры, т.к. выделенная майэмирская культура определяется рамками существования тагарской эпохи.

С.В.Киселев, в отличие от М.П.Грязнова, выделяя вторую стадию майэмирской культуры, считает, что позднемайэмирские памятники более близки к памятниками первой стадии, т.к. они полностью сохраняют курганную конструкцию и обряд. Что касается пазырыкских курганов, то они оставлены представителями другого, гунно-сарматского, времени, т.е. отличны от предыдущих культурно и хронологически, хотя ряд форм вещей продолжают существовать и развиваться. Важно напомнить, что С.В.Киселев, исходя из М.П.Грязновым, отмечает полное отсутствие железных предметов в раннемайэмирских памятниках VII-VI вв до н.э. и особенность этих курганов — наличие захоронения коня /Там же, с.169/. В издании «Древняя история Южной Сибири» 1951 года раздел, касающийся Алтая (майэмирской культуры) абсолютно идентичен с предыдущим изданием 1949 года /см. Киселев С.В., 1949, с.167-176 и Киселев С.В., 1951, с.288-303/.

Концепция С.В.Киселева относительно археологических памятников Алтая эпохи раннего железа является своеобразной, отличается от научных разработок М.П.Грязнова, С.И.Руденко, имея своих последователей и противников.

С 1947 года С.И.Руденко продолжает работы на Алтае. На протяжении нескольких после-

десятих лет под руководством ученого исследуются четыре Пазырыкских кургана, а затем два Башадарских и два Туэктинских. За это время необычайно возросло количество находок, интерпретация и датировка которых вызвала живую дискуссию среди исследователей. Все раскопанные курганы на Алтае с мерзлотой С.И.Руденко датировал скифским временем. Для аргументации своей точки зрения ученый использует различные научные методы, в том числе и естественно-научные /Долуханов П.М., 1986, с.9-10; Бородаев В.В., 1986б, с.7/. С.И.Руденко был одним из пионеров применения методов и достижений естественных наук в исторических исследованиях. В 50-е годы им была создана лаборатория археологической технологии в ИА АН СССР, которой он руководил до конца жизни. Сделанные на основе комплексного изучения горноалтайских находок выводы не устарели до сих пор и используются многими специалистами, хотя, на наш взгляд, еще не до конца в научной литературе осмыслены деятельность и археологическое наследие этого замечательного ученого.

Первое обращение С.И.Руденко к материалам раннескифской эпохи нашло отражение в статье «К палеоантропологии Южного Алтая» /1930, с.139-146/, где рассматриваются и анализируются археологические работы А.В.Адрианова в Семипалатинской области. Значение этой работы, прежде всего, в том, что здесь впервые воспроизведены изображения добытых А.В.Адриановым при раскопках вещей, т.к. они в своем большинстве отсутствовали в издании 1916 года. Кроме этого, сделано описание находок и комментарии к ним. Стоит заметить, что наиболее полное отражение анализа вещей Майэмйрского клада было опубликовано намного позднее /Баркова Л.А., 1983, с.20-31/.

Возвращение к работам А.В.Адрианова у С.И.Руденко произошло намного позднее, когда готовился обобщающий труд «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» /1960, с.10-13/. Здесь, наряду со многими другими находками, был представлен материал с описанием раскопанных курганов в Семипалатинской области в начале века. Наибольший интерес в монографии вызывает глава, в которой определяется датировка горноалтайских курганов, т.к. в предыдущей монографии /Руденко С.И., 1953/ этому уделено мало внимания. Рассматривая предложенные М.П.Грязновым и С.В.Киселевым схемы культурно-хронологического деления исследуемых материалов, С.И.Руденко приводит еще и мнения других исследователей — К.Иеттмара, Л.А.Евтюховой, Л.Р.Кызласова, К.Ф.Смирнова. Первое возражение в адрес предложенной М.П.Грязновым схемы вызвало у С.И.Руденко само выделение майэмйрского этапа в культуре населения Горного Алтая скифского времени на базе трех признаков: конструкция узды, форма бронзовых зеркал, полное отсутствие железных орудий. Последний признак С.И.Руденко считает неубедительным потому, что такие вещи могли не сохраниться, а что касается комплекса остальных находок, то он характерен для эпохи раннего железа, а не бронзы, и имеет свои аналогии в скифских курганах Северного Причерноморья /Руденко С.И., 1960, с.162-164/, фигуры же свернувшихся в кольцо зверей найдены и в поздних курганах (второй Туэктинский, Большой Катандинский). Таким образом, С.И.Руденко не видел серьезных оснований для выделения майэмйрского этапа, весь вопрос, по его мнению, заключался в том, каким временем датировать всю группу рассматриваемых горноалтайских курганов. Причем дата VII в до н.э. у С.И.Руденко сомнения не вызывает (с этого времени в советской археологии принято считать начало скифского времени), его волнует копейная дата, которая определяет отношение к двум эпохам: скифской и гунно-сарматской. Вот здесь автор разворачивает бурную дискуссию со своими оппонентами. Период с VII по IV вв до н.э. С.И.Руденко называет скифским временем без подразделения на этны /Там, с.164/, считая, что пазырыкские племена в конце I тыс. до н.э., возможно в результате каких-то бедствий или в связи с вторжением хуннов на рубеже III и II вв до н.э., выселились в Восточный Казахстан или западно-сибирские степи /с.34/. В заключении своей книги исследователь определяет хронологическую схему последовательности сооружения курганов скифской

культуры в Горном Алтае, где самыми ранними названы курганы, раскопанные в Маймирской степи и под Солонечным Белком, датированные второй половиной VII в до н.э.

Опираясь на работы зарубежных ученых (Р.Гиршмана, А.Годара и др.) С.И.Руденко полагал, что культура, к которой принадлежали причерноморские скифы и горноалтайские племена, формировалась и развивалась в западной Азии уже в IX-VIII вв до н.э. /1960, с.340/. Говоря о бесспорном единстве в скифское время культуры племен огромной евразийской зоны степей и предгорий, ученый не исключает наличие местных вариантов этой культуры. Кроме того, по его мнению, ряд местных отличий можно проследить и в пределах самого Горного Алтая, но для их выделения необходимы дальнейшие исследования, т.е. С.И.Руденко все же предполагал выделение определенных разграничений или этапов на базе будущего массового материала. Это важно потому, что ученый критиковал периодизацию М.П.Грязнова, особенно за наличие в ней раннего (маймирского) этапа, и высказанные в этом плане предположения С.В.Киселева, К.Иеттмара и других. Такая консервация идей, на наш взгляд, связана с тем, что С.И.Руденко более всего ориентировался в своих выводах на материалы Восточной Европы и их интерпретацию. Кроме всего, академически устоявшаяся к тому времени дата VII в до н.э., как начало скифской культуры, давила над исследователем и не позволяла выйти за ее рамки при анализе начальных этапов культуры.

С.И.Руденко категорически был не согласен с термином «ранние кочевники», которым М.П.Грязнов определял горноалтайские племена, жившие в скифскую эпоху, и считал его неудачным, хотя ряд исследователей (Л.Р.Жызласов, К.Ф.Смирнов и др.) приняли это словосочетание и использовали его в исследовательском лексиконе. Свои доводы ученый излагает путем воссоздания конкретно-исторической ситуации, сложившейся в первой половине I тыс до н.э., когда значительная часть оседлых племен евразийских степей и предгорий, из-за изменения климатических условий, перешла к относительно подвижному образу жизни, связанному с массовым разведением лошадей, и, как следствие этого, с освоением огромных пространств, до того времени почти неиспользованных степей и полустепей /Руденко С.И.: 1957, с.301/.

Более подробно вопросы о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках С.И.Руденко изложил в своем докладе на заседании отделения этнографии Географического общества СССР в 1958 году. Данное сообщение в развернутом виде было опубликовано позднее /Руденко С.И., 1961б, с.2-16/. Эта работа достаточно хрестоматийна и может использоваться при рассмотрении ряда вопросов о скотоводческом характере древнего производства. Говоря о хронологии начального этапа массового разведения домашних животных (в первую очередь, лошадей и овец), вызвавшего подвижный образ жизни ряда племен в азиатских степях и предгорьях, С.И.Руденко, опираясь на археологические данные, называет первые столетия I тыс. до н.э. («позднеандроновское и предскифское время») /Там же, с.10/. Потребность в массовом разведении лошадей и овец способствовало, по мнению ученого, развитию пастушеского (отгонного скотоводства), а затем вызвала к жизни полукочевое скотоводство. Переход к полукочевому, а затем к кочевому скотоводству должен был быть длительным процессом, поэтому С.И.Руденко не разделяет мнение о массовом стихийном переходе евразийских племен от оседлого скотоводческого хозяйства к кочевому. Причем не везде и не все древние племена были способны переходить к отгонному и полукочевому хозяйству. Для этого нужны определенные физико-географические условия (малый снежный покров, расчлененный рельеф, пастбищные угодия, питьевая вода и др.) и общественная организация подобного типа хозяйствования. Что касается территории Алтая, то данный регион отвечал требованиям табельного скотоводства; замкнутые горные долины, высокогорные луга являлись прекрасными условиями для отгонного скотоводства, при котором выгодно содержать лошадей, овец и коз.

Ряд положений, изложенных в докладе, были сформулированы С.И.Руденко еще в книге «Горноалтайские находки и скифы» /1952б, с.22-25/. Автор монографии затронул вопрос о том,

был ли Горный Алтай в предскифское время одной из областей перехода его коренного населения от охотничьего хозяйства к скотоводческому или пастушеское скотоводство проникло из соседних регионов. С.И.Руденко высказано предположение, что в конце VIII — нач. VII в до н.э., какая-то часть скифских племен, возможно с верховий Иртыша, из Зайсанской котловины или предгорий Тарбагатай, распространилась и на Алтай, ассимилировав там незначительное до того времени коренное население этой области. Дальнейшее исследование, по мнению автора книги, покажет, что заселение Алтая происходило и с юга и с запада, причем различными племенами, предшествовавшими уже вполне сложившейся культурой скифского облика /Там же, с.250/.

Все работы С.И.Руденко и сейчас остаются актуальными, хотя требуют расширения и более полных доказательств не на основе логических построений, а с представлением конкретного материала.

Таким образом, к началу 50-х годов, благодаря дореволюционным исследованиям и раскопкам советских археологов сложились три оценки культурно-хронологического понимания хода исторического процесса в скифскую эпоху на Алтае, бытующие до сих пор. С этого времени для уточнения возраста больших алтайских курганов привлекаются методы естественных наук. Радиоуглеродные даты подтвердили «скифский» возраст этих памятников, дендрохронологические исследования помогли установить очередность сооружения пяти Пазырыкских и одного Тузуктинского кургана /Степная полоса ...,1992, с.162/.

После С.И.Руденко археологические исследования в верховьях р.Бухтармы, где в начале века проводил работы А.В.Адрианов, а еще раньше В.В.Радлов, предпринял С.С.Сорокин, который в течении ряда лет руководил Южно-Алтайской экспедицией ГЭ /Сорокин С.С.,1966б, с.39,59/. Одним из главных результатов раскопок в этом районе стало открытие наиболее ранних погребений Алтая эпохи ранних кочевников, материалы которых позднее легли в основу выделения, так называемого куртуского этапа /Могильников В.А.,1986а, с.53; Грязнов М.П.,1992, с.163/. Все раскопанные кольца составляли единую группу погребений и были датированы IX-VIII вв до н.э. находкой трехдырчатых псалий, находившихся по обеим сторонам челюстей коня в «рабочем положении» /Сорокин С.С.,1966б, с.43-47/. Так как комплект костяных изделий был единственной и датирующей находкой, то С.С.Сорокин отвел описанию и анализу этих вещей достаточно большое место в своей статье. Представив в общих чертах типологическую схему эволюции узды для Алтая, Казахстана и Средней Азии, автор делает заключение, что бухтарминские трехдырчатые псалии бытовали не позднее VIII в до н.э.. Это подтверждает и сравнение элементов погребального обряда раскопанных на Курту-II захоронений с известными на Алтае погребениями большереченского и майэмйского этапов /Там же, с.45-47/. Таким образом, С.С.Сорокин раскопал группу памятников, относящихся к более раннему времени, чем начало майэмйского периода скифской культуры, и впервые попытался обосновать выделение особого этапа эпохи ранних кочевников, основной характеристикой которого было скорченное погребение человека с конем в разных погребальных камерах.

Материалы исследованных в верховьях р.Бухтармы захоронений позволили М.П.Грязнову, в свое время, полагать, что «начальный этап скифской культуры» существовал и на Алтае /Грязнов М.П.,1978, с.17/. Сейчас, когда увеличилось количество исследованных курганов подобных тем, что раскопаны на могильнике Курту-II, рассуждения и выводы С.С.Сорокина приобретают особое значение при осмыслении и интерпретации накопленного археологического материала.

Исследованиями курганного могильника Кок-су-I С.С.Сорокиным были продолжены работы в Горном Алтае /Сорокин С.С.,1974, с.62-91/.

На наш взгляд, необходимо остановиться на одной из работ С.С.Сорокина «К вопросу о толковании впускерганных памятников ранних кочевников Азии» /1981, с.23-39/, в которой обращается внимание на ряд фиксируемых при раскопках сооружений, находящихся на мо-

гальном поле у мест погребений. На основе этнографии, письменных источников, фольклора, личных наблюдений и других данных автором представлено объяснение такого рода явлений. Из всего анализа этой группы рассмотренных объектов интересна интерпретация балбадов и стел, обнаруженных при исследованиях захоронений кочевников. В связи с этим, важным является замечание ученого, что впервые суждение об использовании оленьих камней как коновязей высказал в малоизвестном (и малодоступном) издании П.П.Хороших /1972, с.93-96/, а затем уже такая идея в более развернутом виде рассматривалась самим С.С.Сорокиным /1979, с.112-116/ и В.Д.Кубаревым /1979/. Большая часть рассматриваемой статьи посвящена семантике обозначенных явлений в погребальных комплексах разных эпох. Выводы такого исследования и весь привлеченный при этом материал заслуживают внимания, потому что на ряде исследованных к нашему времени погребальных памятниках скифской эпохи Горного Алтая зафиксированы и стелы, и балбалы.

Стоит отметить работу С.С.Сорокина в исследовании Большого Берельского кургана, раскопки которого проводились В.В.Радловым, а полное издание результатов раскопок 1865 и 1959 годов было опубликовано позднее /Сорокин С.С., 1962/.

Работы С.С.Сорокина на Алтае способствовали накоплению археологического материала, среди которого нашли отражение определенные погребальные комплексы скифской культуры. Хотя публикации этого исследователя обширны, анализ полученных данных многосторонний, с использованием различных методов для характеристики и интерпретации источников, все же выйти на более высокий уровень теоретического обобщения или культурно-хронологического решения научных проблем, касающихся археологии Алтая, ему не удалось. Можно предположить, что такие задачи ученый перед собой не ставил, однако, чем тогда объяснить целенаправленные исследования в Горном Алтае в течение длительного периода времени. Если работы С.С.Сорокина были направлены только на получение массового археологического материала, подтверждающего выдвинутые другими учеными концепции понимания развития культуры древних племен скифской эпохи на Алтае, то тогда такая задача может считаться выполненной.

В 1964-65 гг на Усть-Куломском могильнике работал Горно-Алтайский археологический отряд ИИФФ СО АН СССР под руководством Е.М.Берс /1974, с.18-31/. При этом вторично исследовались те погребальные объекты, которые, в свое время, вскрывались С.М.Сергеевым и Г.П.Сосновским. В результате выяснилось, что основной целью работ предшественников являлись раскопки только погребений, хотя были обнаружены надмогильные сооружения, но они полностью не исследовались. Таким образом, полученный ранее материал оказался неполноценным. Заслуга Е.М.Берс заключается в том, что ей доизучены раскопанные раньше курганы, упорядочена информация о них, а также проведены исследования новых объектов Усть-Куломского могильника, позволившие в результате сопоставлений определить ту или иную культурную принадлежность оставленных в древности могил. Так, по мнению Л.С.Марсодолова, вероятно, к эпохе ранних кочевников относятся те каменные ящики, которые раскопаны у подножья холма, где и располагались погребения раннего железного века, исследованные Г.П.Сосновским /Марсодолов Л.С., 1981а, с.18/.

Е.М.Берс еще в 1969 году продолжила работы в устье р.Куом. Результаты этих исследований тезисно опубликованы в 1988 году Ю.С.Худяковым и М.В.Мороз /1988, с. 158-161/. Усть-Куломский могильник является первым памятником ранних кочевников, раскопанным близ среднего течения р.Катунь. Это было важным при формировании представлений о погребальных комплексах определяемой в Горном Алтае древней культуры. Наличие в этом памятнике погребения человека с конем и находка костяного трехдырчатого ислания позволили М.П.Грязнову в 1947 году обосновать майэмирский этап, а позднее указать на вероятность существования особого этапа, предшествующего майэмирскому и синхронному аржанскому в Туве /Гряз-

ков М.П., 1978/. Кроме того, материалы раскопок в Усть-Куюме легли в основу выделения различного рода культурно-хронологических определений, например, усть-куюмский локальный вариант майэмирской культуры /Могильников В.А., 1986, с. 53/, куюмский тип памятников VIII-VI вв до н.э. /Степанова Н.Ф., 1986, с. 79-81/ и др.

В 1968-69 гг археологическая экспедиция ИИФФ СО АН СССР и Кемеровского пединститута проводила раскопки древнего могильника в зоне затопления Чуйской ГЭС в Актанском районе Горно-Алтайской а.о. В результате этого получен значительный по объему материал, в основном датируемый раннескифским и скифским временем /Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с.147-172/.

В 1971 году начались раскопки знаменитого кургана Аржан в Туве. Открытие царского кургана ставит перед археологами некоторые новые вопросы по хронологии памятников ранних кочевников /Грязнов М.П., 1975а, с.6/. Широко распространенный метод датирования путем поиска аналогий найденному материалу не удовлетворяет М.П.Грязнова, т.к. он приводит к неправильным хронологическим определениям. Нужен новый подход для решения исследовательских задач на более высоком уровне и М.П.Грязнов предлагает при сравнении памятников разных этапов одной культуры или хронологически близких культур сопоставлять не отдельные категории вещей, а их культурно-исторические комплексы. Для этого надо установить место изучаемых памятников в системе археологической периодизации данного района по комплексу всех определяющих их данных (устройство, погребальный обряд, вещи), а затем определять дату по аналогиям с хорошо датированными типами вещей не отдельных памятников, а всего этапа или культуры в целом.

На базе исследованного царского кургана Аржан, в котором выявлено 29 погребальных комплексов, выделен хронологический период, названный аржанским этапом эпохи ранних кочевников Тувы. Датируется он временем VIII - VII вв до н.э., предшествует майэмирскому этапу на Алтае, тасмолинской культуре в Казахстане /Там же/. В подтверждение своих предположений М.П.Грязнов приводит выводы исследований А.А.Иессена, который отнес памятники VIII - VII вв до н.э. юга европейской части СССР к начальному этапу скифской культуры. Подобный этап, по мнению М.П.Грязнова, найдет свое отражение в памятниках других регионов, т.к. имеются на это некоторые указания: могильник Курту-П на Алтае, оленные камни Монголии, погребения Уйгарака и Тагискена в низовьях р.Сырдарьи и др.

В 1978 году М.П.Грязнов ставит вопрос о сложении культуры скифо-сибирского типа, продолжая развивать свои идеи, тезисно сформулированные в 1975 г. /Грязнов М.П., 1975а, с.6-10; 1975б, с.9-12/, в связи с интерпретацией результатов исследований кургана Аржан и привлечением широкого круга материалов из других регионов. Определяя понятие «скифская эпоха» (выделено авторами) как период, когда на обширной территории многочисленные древние племена перешли к кочевому и полукочевому степному скотоводческому хозяйству, создав, таким образом, особый уклад и образ жизни, М.П.Грязнов археологически характеризует его единством так называемой скифской триады (оружие, сбруя, скифо-сибирский звериный стиль) и пытается ответить на вопрос о том, когда начался процесс складывания скифской культуры, опираясь на идею А.А.Иессена о существовании начального этапа в развитии скифской культуры в широком понимании этого слова /Грязнов М.П., 1978, с.9-18/. Рассматривая Аржан как 29 отдельных археологических комплексов, М.П.Грязнов отмечал, что они происходят из 13 разных географических пунктов, семь из которых относятся к одному географическому району и характеризуют население, обозначенную как аржанская (или, осторожнее, аржанский этап культуры ранних кочевников Тувы), остальные шесть комплексов близки по культуре аржанским племенам из не очень отдаленных от Тувы районов. Определена дата аржанского этапа — не позже начала или середины VII в, вероятнее VIII-VII вв, до н.э. /Там же, с.15/.

Более подробно рассматриваются и интерпретируются оленные камни Тувы, значительная часть которых, по мнению М.П. Грязнова, принадлежит аржанскому этапу, т.к. найденный в кургане Аржан обломок оленного камня хронологически связан с погребальным комплексом.

Начальный этап скифской культуры отмечен не только в Причерноморье и Туве. В немногочисленных погребениях на Алтае, в могильниках Курту и Усть-Куюм, М.П. Грязнов видит наличие здесь особого этапа, предшествующего майэмирскому, в Восточном Казахстане также имеется группа погребений VIII-VII вв до н.э., отличная от памятников тасмолинской культуры /Там же, с.17/. Таким образом, М.П. Грязнов приходит к выводу о том, что на обширных просторах степной полосы Евразии с VIII в до н.э. синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа, но самобытные и оригинальные в связи с различными особыми условиями существования. Стоит отметить еще одно сомнение исследователя о том, были ли европейские скифы центром скифо-сибирского мира, ведь, если это не так, то следует менять все научные представления о гегемонизме этого мощного культурного пласта.

В 1979 г. на конференции, посвященной проблемам скифо-сибирского культурно-исторического единства, М.П. Грязнов, опираясь на материалы Аржана и синхронизацию известных памятников выделил три фазы развития скифо-сибирских культур: аржанско-черногоровскую (VIII-VII вв до н.э.), майэмирско-келермесскую (VII-VI вв до н.э.) и пазырыкско-чертомлыкскую (V-III вв до н.э.) /Грязнов М.П., 1979, с.4-7/.

С начала 70-х годов в Горном Алтае археологические исследования памятников скифской эпохи проводит Д.Г. Савинов. В 1971-78 годах Алтайским палеоэтнографическим отрядом раскапывались курганы скифского времени в долине Уаунтал /Савинов Д.Г., 1993, с.4-118/. Еще раньше (с 1968 года) начал проводить изыскания в Юго-Восточном Алтае В.Д. Кубарев, результаты многолетних работ которого нашли свое отражение в нескольких монографиях и в большом количестве статей /Кубарев В.Д., 1987б; 1991; 1992 и др./. За 15 полевых сезонов возглавляемый В.Д. Кубаревым Восточно-Алтайский отряд Североазиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР раскопал более 160 курганов, входивших в 18 могильников, расположенных в долинах рек Уландрык, Юстыд, Варбугазы и Бургузун /Кубарев, 1987б, с.3/. Большинство исследованных объектов относятся к скифской эпохе Алтая (пазырыкской культуре V-I вв до н.э.). Полученный массовый материал позволил наполнить содержание известной культуры и представил возможность для решения проблем более высокого уровня.

С середины 70-х до начала 80-х годов в Юго-Восточном Алтае по несколько полевых сезонов работали различные научные коллективы. Так, в 1976-78 годах на территории Кош-Агачского района работал Алтайский отряд Южно-Сибирской экспедиции Кемеровского государственного университета /Елис В.Н., Зиняков Н.М., 1977; Зиняков Н.М., 1978 и др./, в 1976-77 гг проводила археологические изыскания Алтайская экспедиция Института археологии АН СССР /Могильников В.А., 1980, 1983а, б, в и др./, с 1979 года археологические памятники скифской эпохи исследовались экспедицией ГАНИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова /1980, 1982, 1984, 1988, 1993/, в 1982-83 гг в Курайской степи раскапывались курганы Горно-Алтайской экспедиции Алтайского государственного университета /Мамадаков Ю.Т., 1983, 1984/. Археологические раскопки объектов скифской эпохи продолжались в Юго-Восточном Алтае и в последующие годы. Это привело к тому, что данный регион является наиболее исследованным по сравнению с другими в плане изучения памятников раннего железного века.

В 1980 году вышла монография М.П. Грязнова «Аржан», где дается описание раскопок знаменитого кургана, а также характеризуется в общем плане весь полученный материал, анализируются особенности памятника и на базе этого рассматриваются вопросы происхождения и сложения скифо-сибирских культур. Здесь представлены абсолютные даты, полученные с применением радиоуглеродного метода, давшие такие цифры: 800 ± 50 лет до н.э., 850 ± 50 лет до н.э., 820 ± 50 лет до

н.э., а также подтверждается факт отнесения Аржана и других подобных ему находок к кругу памятников скифской культуры, а не к доскифским или предскифским, т.к. в Аржане полностью представлена вся скифская триада в хорошо сложившихся формах /Грязнов М.П., 1980, с.54-56/. В конце монографии М.П.Грязнов выходит на новый уровень обобщающего исследования, выдвигая идею об едином процессе сложения и развития скифо-сибирских культур на их начальном этапе в степях от Дуная до Китая в VIII-VII (а может быть, IX-VII) вв до н.э., определяя этот период в так называемую аржано-черногоровскую фазу. Этот тезис послужил поводом для написания развернутой статьи с подробным изложением доказательств существования начальной фазы развития скифо-сибирских культур /Грязнов М.П., 1983, с.3-18/. Прделанная работа стала значительным шагом в развитии проблем периодизации скифской эпохи, т.к. на огромном фактическом материале была дана характеристика проявлению общих черт в памятниках различных исторических областей евразийского пояса степей в период сложения скифо-сибирских культур. Но прежде, чем выдвинуть свои аргументы М.П.Грязнов вначале назвал общепринятые в то время понятия и датировки. Так начало скифской культуры определялось VII в до н.э., а период VII-VI вв до н.э. считался и назывался раннескифским временем. Стоит добавить, что время соответствующее началу железного века (с конца IX — нач. VIII вв до н.э.) определялось как предскифское (киммерийское или доскифское) и в понятие скифской культуры не включалось /Тишкин А.А., 1994а, с.124/. Кроме того, часто археологами выделялся и так называемый переходный период от бронзового века к железному, определяя его в рамках VIII — перв. пол. VII вв до н.э. /Степи европейской части..., 1992, с.3/. Однако, напоминал М.П.Грязнов, существовала точка зрения А.А.Иессена о том, что «раннескифскому времени» предшествовал период культуры раннего железного века, датирующийся VIII-VII вв до н.э. и представляющий собой «начальный этап в развитии скифской культуры в широком понимании этого термина» /Грязнов М.П., 1983а, с.3; Иессен А.А., 1954, с.109 и др./. По все же археологи других регионов, опираясь на восточно-европейские аналогии, все памятники, в которых имелись признаки аржанного типа, датировали временем не ранее VII в до н.э., хотя некоторые авторы предлагали и более ранние даты — IX-VII вв до н.э..

Появление в то время начальной даты IX в до н.э. в хронологических периодах скифской эпохи связано с публикацией С.С.Сорокиным материалов могильника Курту-П /1966б, с.43-47/, а затем со статьей Ф.Х.Арслановой /1974а, с.46-60/ и с работой К.А. и А.К. Акишевых /1979, с.50/ по проблемам датирования раннего этапа сакской культуры /Тишкин А.А., 1994а, с. 125/.

М.П.Грязнову необходимо было убедить многих ученых отрешиться от давящей в их сознании даты VII в до н.э. и попытаться заново пересмотреть весь соответствующий этому материал, чтобы понять существование общего явления в истории древних племен, названного аржано-черногоровской фазой развития скифо-сибирских культур и датируемой IX-VII вв до н.э.. Для этого он дал цельные характеристики начального этапа в каждой из определенной культурно-исторической области с запада на восток: Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Предкавказье, Приаралье, центральные части Северного Казахстана, степи и лесостепи к западу и северу от Алтая, Горный Алтай, Милусинская степная котловина, Тува и, возможно, Ордос. Чем же в общем определяются обозначенные в регионах этапы? Прежде всего, элементами вооружения, конского снаряжения, предметами быта, скифо-сибирским звериным стилем, оленными камнями, петроглифами. М.П.Грязнов дает характеристику начального этапа скифо-сибирской культуры на Алтае, отмечая то, что данный регион несомненно переживал эту фазу и имел определенное своеобразие в данный период времени, но все же археологические материалы, по мнению ученого, еще недостаточны и фрагментарны для полного обоснования такого этапа /Грязнов М.П., 1983, с.9/. Следует отметить обозначенные М.П.Грязновым памятники, относящиеся к аржано-черногоровской фазе на территории Горного Алтая, и их особенности: это каменные могилы в небольших могильниках (Курту, Усть-

Куком и др.), довольно большая серия оленных камней в юго-восточной части горного массива, петроглифы, случайные находки бронзовых вещей, погребение коня с уздой в отдельно устроенной для него могиле, рядом с хозяином, узда без удила, исагии роговые, характерны длинные кинжалы с грибовидным навершием рукояти, с прямой или плоской гардой в виде приплюснутых параллелограммов, трехжелобчатые бляшки, бронзовые зеркала с вертикальным бортиком по краю, плоской петелькой и рисунками на оборотной стороне, изображения зверей в скифо-сибирском стиле. В общем, что касается определения начального этапа скифо-сибирской культуры на Алтае, то М.П.Грязновым лишь намечены его характеристики и представлено право другим исследователям наполнить содержанием этот период древней истории.

Ряд таких работ были начаты и продоланы в свое время учениками М.П.Грязнова /Марсадолов Л.С., 1981; 1985; Воковенко Н.А., 1986 и др./ и нашло некоторое отражение в выпущенном в 1992 году томе серии «Археология СССР» «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время», где в разделе «Алтай и приалтайская степь», написанном М.П.Грязновым, представлена краткая история изучения археологических памятников этого региона, по типам вещей и деталям погребального обряда курганов ранних кочевников Горного Алтая выделено четыре последовательных хронологических этапа. Куртуский (VIII-VII вв до н.э.) определен по небольшой серии небогатых могил, случайно найденным бронзовым орудиям и по оленным камням. Майэмирский (VII-VI вв до н.э.) представлен несколькими курганами, случайными находками уздечных комплексов характерного типа и т.д. Пазырыкский (V-III вв до н.э.) хорошо известен по малым курганам и по серии царских погребальных сооружений в Пазырыке, Тузукте и Башадаре. Шибирский (II в до н.э. — I в н.э.) также характерен большими и малыми курганами, в том числе царскими в Катанде. Шибирь и Берели /Грязнов М.П., 1992, с.163/. Подобная периодизация, даже учитывая сроки подготовки тома, явно запоздала по своему схематическому решению культурно-хронологической проблемы скифской эпохи. Однако весьма актуальны здесь примечания о том, что М.П.Грязнов понимал ответственность деления особенно двух первых этапов, не отражающих реальных исторических событий, и то, что выделение начальной фазы культуры ранних кочевников носит в его последних работах гипотетический характер /Степная полоса ..., 1992, с.164/. Кстати вот, что писал М.П.Грязнов по поводу первого замечания: «Пока трудно четко определить майэмирский этап от предыдущего куртуского. С накоплением материала границы этапов, несомненно, уточняются, сама характеристика майэмирского этапа изменится, вероятно, надо будет изменить и его название, поскольку памятник, давший название (Майэмир), включен теперь в предшествующий куртуский этап» /Грязнов М.П., 1992, с.164/. Беря во внимание это положение, авторы тома предлагают ранний этап скифской культуры Горного Алтая обозначить куртуско-майэмирским в рамках VIII-VI вв до н.э. /Степная полоса ..., 1992, с.164-166/, что, на наш взгляд, не является решением проблемы даже в рамках простой характеристики культуры, а, наоборот, приводит к новым искусственно обозначенным терминам и условностям, в которых как раз теряется смысл и тенденция установления хронологической последовательности и, быть может, культурной преемственности имеющихся археологических памятников /Тишкин А.А., 1994а, с. 126/. Тем не менее данный параграф в этом обобщающем труде все же важен не как отражение определенных современных теоретических разработок и положений, а как свод накопленного к тому времени конкретного материала, имеющего существенные комментарии и характеристики.

Подводя итоги изучению эволюции научных идей и разработок выдающегося ученого М.П.Грязнова по вопросам формирования культуры скифо-сибирского облика на Алтае, необходимо отметить то, что современные исследования находятся в русле намеченного им понимания сложных процессов исторического развития древних племен на базе полученного археологического материала и наблюдений. Так или иначе, но интерес к поставленным М.П.Грязновым проблемам остается и свидетельством этого является данная работа.

1.3. НОВЫЙ ЭТАП В НАКОПЛЕНИИ И ОСМЫСЛЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ АЛТАЯ.

Начало этого этапа, на наш взгляд, связано с деятельностью целой группы исследователей, которые проводили обследования и раскопки археологических памятников интересующего нас периода древней истории Алтая с начала 1980-х годов. Этот этап характеризуется не только получением массового материала рассматриваемой эпохи, но и выдвижением ряда концепций культурно-хронологического порядка при интерпретации полученных результатов.

Начиная с 1980 года в долине р. Катунь начинают проводиться широкомасштабные археологические разведки и охранные раскопки в зоне предполагаемого затопления и строительства Катунской ГЭС. Здесь в основном работают экспедиции Алтайского госуниверситета и ГАНИИИЯЛа /Кубарев В.Д., 1990, с.13/. В результате этого получены новые данные с культуры населения, проживавшем в раннескифское время на берегах крупнейшей в Горном Алтае реки, а также исследовались памятники пазырыкской культуры. В это же время были продолжены раскопки и в других регионах Алтая.

Курган, раскопанный Л.С.Марсадоловым в 1980 году на могильнике Семисарь-1 в Горном Алтае, дал интересные материалы, позволившие наполнить конкретным содержанием особенности погребального обряда населения, проживавшего в период с VIII по VII вв до н.э. /Марсадолов Л.С., 1981б, с.195-196/. Тогда же у подножья горы Первый Межелиск была исследована еще один подобный объект /Там же/.

В 1980 году близ с.Ело раскопаны три погребения в каменных ящиках на могильнике Нижний Тюмечин-II /Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с.64/. Ранее там было зафиксировано 45 подобных погребальных сооружений, выделявшихся на поверхности курганов.

В 1980 году начали проводиться исследования в долинах Кызык-Телань и Айрыдаг, расположенных к юго-востоку от с.Куус /Суразаков А.С., 1987, с.61/. Именно там будет обнаружено большое количество погребальных сооружений скифской эпохи.

Вышедшая в 1981 году уже не раз упомянутая в этой книге статья Л.С.Марсадолова «Памятники ранних кочевников в Усть-Куومه на Алтае (по раскопкам Г.П.Сосновского и Г.П.Сергеева)» представляла собой не только подробную публикацию археологического материала, полученного в 30-е годы, но давала обзор и анализ известных археологических погребальных сооружений на близлежащих территориях.

Кроме выше названных памятников раннескифского времени были исследованы и другие (Кара-Коба-Н, Кызыл-Джар-IX, Н.Тюмечин-I, Н.Тоботой-I, Кер-Кечу, Карасу-II и т.д.).

В 1984 году под руководством Н.Ф.Степановой /1986, с.79-81/ на могильнике Элекмонар-II раскопано 6 курганов VII-VI вв до н.э.

В 1985 году Л.С.Марсадоловым защищена диссертация «Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв до н.э.)», в которой были подведены итоги исследований в Горном Алтае, а также даны характеристики двум большим культурно-хронологическим этапам: майэмирскому (VIII — VII вв до н.э., возможно первая четверть VI в до н.э.) и пазырыкскому (VI-IV вв до н.э.). При этом в майэмирский период исследователь включил две группы памятников («скорченники» и «вытянутые»), занимавшие, по его мнению, разные районы Алтая и исследованные на 18 могильниках /Марсадолов Л.С., 1985, с.10-12/. Свои выводы Л.С.Марсадолов делает на основе комплексного подхода при датировании материалов раскопанных курганов, для чего использованы данные археологии, дендрохронологии и радиоуглеродного анализа. Это позволило, на взгляд ученого, найти хронологические «опорные точки» (абсолютные даты), хронологические «индикаторы» (псалги, удила, пряжки) и выявить близкие группы памятников. Кроме всего, предложено синхронизировать с известными историческими датами и событиями изменения в формировании и развитии выделенных периодов. Завершение майэмирского и начало

пазырыкского этапа связано с разгромом Ассирии мидийцами (около 585 г до н.э.) и усилением державы персских Ахеменидов /Там же, с.15/.

Позднее Д.Г.Савинов /1991, табл.1/, также рассматривая возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении Южной Сибири скифо-сарматского времени, представил схему последовательно сменяющихся археологических культур Горного Алтая. Появление первых памятников скифского типа на Алтае (майэмирская культура; Курту) связано с 770 г до н.э., когда заканчивается существование государство Западное Чжоу, павшее под давлением кочевых племен из Центральной Азии; отмечается закат культуры херексуров в Монголии и каменоложского этапа карасукской культуры в Минусинской котловине. Первый (башадарский) этап пазырыкской культуры, по мнению Д.Г.Савинова, синхронен созданию Ахеменидской империи (550 г до н.э.), второй связан с усилением этой державы. 20-е годы IV в до н.э. — это завоевания А.Македонского в Средней Азии, а в Горном Алтае — это шибирский этап пазырыкской культуры и появление кара-кобинских памятников. Все это время доминирующей была западная линия синхронизации, а лишь с 201 г. до н.э. (северный поход Маодуня) она меняется на восточную /Савинов Д.Г., 1991, с.93-94/.

Отмеченные Л.С.Марсадаловым, Д.Г.Савиновым и ранее некоторыми другими исследователями возможности определения событий, являющихся источником трансформации культуры населения Горного Алтая в скифскую эпоху представляется нам важным при рассмотрении и интерпретации археологического материала, особенно это касается стадий переходных этапов от одной культуры к другой.

В 1985 году были опубликованы результаты исследования захоронения двух лошадей на курганном могильнике Черный Ануй-1 /Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985, с.69, рис.10,11/, где найдены бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и бронзовыми трехдырчатыми псалями, датированные VII-VI вв до н.э.

В первой половине 80-х годов на базе материалов раскопок курганов раннего железного века А.С.Суразаков /1983/ выделил новую в Горном Алтае культуру — кара-кобинскую, разработав для нее и для известной ранее пазырыкской культуры дробную периодизацию на основе классификации инвентаря. Время бытования обоих культурных образований было определено в пределах VI-нач.II вв до н.э., а известные памятники подразделены на три хронологические группы: конец VI-V вв до н.э., V-IV вв до н.э. и III —нач.II вв до н.э. /Суразаков А.С., 1985/. Кроме того, памятники указанного времени Тувы, Северо-Западной Монголии, Горного Алтая и Восточного Казахстана были объединены в рамках единой саяно-горноалтайской культурно-исторической общности /Суразаков А.С., 1987, с.65/. Стоит отметить работу А.С.Суразакова по изучению социальной дифференциации населения скифской эпохи Горного Алтая, в области расширения смыслового содержания образов и сюжетов пазырыкского искусства, в представлении мировоззренческой системы того времени.

В 1985 году частично опубликованы материалы раскопок экспедиции Алтайского госуниверситета курганных могильников Кырлык-I, Кырлык-II /Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985/.

1986 год стал пиком активности в публикациях материалов по изучению раннескифского времени. Этому способствовала и конференция «Скифская эпоха Алтая», посвященная 100-летию со дня рождения С.И.Руденко и проведенная весной 1986 года в г.Барнауле на базе Алтайского госуниверситета.

В тезисах докладов, опубликованных к конференции, Н.Ф.Степанова, выделяя «особый тип погребений в каменных ящиках», называет его «куюмским», датирует раннескифским периодом (VIII-VI вв до н.э.) и отмечает его отличие от памятников пазырыкского типа, указав тем самым на различные культурные традиции /Степанова Н.Ф., с.79-81/. Выделение куюмского типа памятников на основе раскопанных в 1984 году курганов на могильнике

Элемонар-II и уже известных к тому времени погребений из Усть-Куюма, Семисарта-I, Коксу-I, Черный Ануй и др., являлось новым подходом в первоначальном культурно-хронологическом осмыслении полученных результатов. Однако развитие идеи и более подробные обоснования особенностей куюмского типа памятников раннескифского времени в Горном Алтае в дальнейшем не получили нужного продолжения и развернутого оформления, хотя, на наш взгляд, это позволило бы обойтись без надуманных схем до накопления достаточного количества материала, в процессе чего определились бы реальные пути решения проблемы возникновения и существования культуры населения, оставившего своеобразные погребальные комплексы на Катунь и близлежащих территориях.

Тогда же П.И.Шульга /1986, с.20-23/ привел основания для рассматривания пазырыкской культуры как единой (в рамках VI-II вв до н.э.) для скотоводческой зоны Горного Алтая и включающей в себя несколько типов погребений, а В.А.Могильников /1986б, с.29-30/ тезисно наметил новый подход к культурному определению памятников VIII-VI вв до н.э. в Горном Алтае.

Н.А.Боковенко /1986а, с.46-48/ в тезисах на конференции «Скифская эпоха Алтая», выделяя 5 вариантов погребального обряда всадников определенных территориально-хронологических рамок, определяет раннескифское время IX-VI вв до н.э. Предлагаемые даты начала и формирования особого погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана не были приняты всеми исследователями, хотя, как уже отмечалось, дата IX в до н.э. выдвигалась не одним ученым /Тишкин А.А., 1994а, с.125/. Автором публикации также назван ряд причин, обусловивших в самом начале I тыс. до н.э. переход к комплексной системе скотоводства, отметив, что основные предпосылки и условия формирования культур ранних кочевников сложились в II тыс. до н.э. в среде степных культур эпохи бронзы /Боковенко Н.А., 1986а, с.46-/. Несколько позднее, но том же 1986 году, в автореферате своей диссертации «Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения)» Н.А.Боковенко обозначил начало формирования «скифской формы узды» IX-VIII вв до н.э. и на большом количестве фактического материала исследователь обобщил, систематизировал известные к тому времени находки деталей сбруи, создал типологию всех элементов конского снаряжения, а также, используя различные методы анализа, уточнил датировки и характеристики отдельных опорных комплексов и осветил специфику начального этапа культуры ранних кочевников /Боковенко Н.А., 1986б/.

Наиболее развернутую схему культурно-хронологического рассмотрения памятников раннескифского времени Горного Алтая в 1986 году предложил В.А.Могильников. Присовокупив к известным полуразрушенным и полураскопанным погребениям А.В.Адрианова /1916/ материалы, опубликованные С.С.Сорокиным /1966б, 1974/ и Л.С.Марсадоловым /1981а, 1981б/, а также результаты своих отдельных исследований в Горном Алтае и некоторых других археологов, В.А.Могильников попытался на основе итоговых работ М.П.Грязнова, С.И.Руденко и С.В.Киселева решить проблемы понимания этнокультурного развития населения исследуемого региона в раннем железном веке /Могильников В.А., 1986а, с.35-67/. В результате было выделено два этапа (куртуский VIII-VII вв до н.э. и майэмирский VII-VI вв до н.э.) в рамках особой майэмирской культуры, используя термин и отчасти подход С.В.Киселева /1947, с.157-172; 1949, с.167-176/, но несколько в другой интерпретации. Отмечено распространение этой культуры в двух локальных районах: северный (усть-куюмский) и южный (куртуско-катонский). На основе усть-куюмского локального варианта, по мнению ученого, формировалось население кара-кобинской культуры V-III вв до н.э., а пазырыкская культура с конца VI в до н.э. представляла собой сложное образование в результате взаимодействия местного населения и племен, пришедших из степей Казахстана /Там же, с.53/. Предложенная В.А.Могильниковым схема понимания им этнокультурного развития племен Горного Алтая в раннем железном веке на основе обнаруженного и опубликованного в то

время материала, на наш взгляд, выглядела в общем гадететичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности, и имела своеобразный подход к решению культурно-хронологической проблемы формирования и развития скифской эпохи, определив тем самым задачи и направления дальнейших исследований как практических, так и теоретических.

Периодизацию В.А.Могильникова и его выводы, в целом, поддержал А.С.Суразаков /1988б, с.168-171/, дополнив их фактическим материалом и обозначив круг археологических источников формирования ранних и последующих этапов скифской культуры. Анализ многих известных сейчас курганных могильников, отдельных погребений и находок раннескифского времени, полученных при археологических исследованиях на Средней Катунь даёт возможность проверить правильность концепции В.А.Могильникова и представленной им схемы этнокультурной ситуации в Горном Алтае в то далекое время.

В 1988 году вышла монография А.С.Суразакова «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблема хронологии и культурного разграничения», в которой обобщены известные к середине 80-х годов материалы из рядовых категорий инвентаря, представлена периодизация выявленных автором культурных образований и анализируются характерные черты погребального обряда. Все привлеченные в работе памятники по времени сооружения условно были объединены в три хронологических периода в рамках назырской, каракобинской и чумышско-ипинской групп.

Значительно увеличилось количество исследованных памятников скифской эпохи в связи с широкомасштабными раскопками в зоне строительства Катунской ГЭС. Погребальные сооружения IX-VI вв. до н.э. исследованы на многих курганных могильниках: Элекмонар-II, Верх-Еланда-I, Тыткешень-I и VI, Айрыдаш-I и IV, Кызык-Телань-I, Бийке, Чоба-VII, Карбан-I, Бойтыгем-II, Тогустан-I и IV, Кор-Кобы-I и другие. Однако большинство раскопанных объектов до сих пор не опубликованы, хотя имеются отдельные статьи, сведения и сообщения о наличии достаточного количества курганов, относящихся к раннескифской эпохе. Среди них в 1990 году представлены результаты раскопок пяти погребальных сооружений на могильнике Бийке /Тишкин А.А., Харченко Т.В., 1990, с.67-70/, безинвентарных каменных ящиках Верх-Еланда-I /Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с.224-242/, вообще о группе таких курганов в долине Айрыдаш /Суразаков А.С., 1990а, с.197-198/, а также отражена история изучения археологических памятников Средней Катунь, в которой небольшое место отведено характеристике известных памятников раннескифского времени /Кубарев В.Д., 1990, с.7-20/. Кроме того А.С.Суразаковым опубликованы по результатам раскопок 1984 и 1989 годов восемь захоронений могильника Кор-Кобы-I, находящегося на левом берегу р.Катунь, в 1,7 км к СЗ от с.Куно /Суразаков А.С., 1990б, с.56-67, 75-90/.

В 1991 году Ю.И.Гельмел публикует предварительное сообщение о раскопках неграбленного кургана могильника Карбан-I, отнеся его «к майэмирскому этапу скифской культуры Алтая» и датировав в пределах VII в. до н.э. /Гельмел Ю.И., 1991, с.88-91/. В 1992 году выходит уже статья с результатами исследования этого же захоронения, подробным анализом его погребального обряда и вещевого комплекса /Демин М.А., Гельмел Ю.И., 1992, с.28-33, 170-175/. В итоге, датировка карбанского захоронения осталась прежней, однако при определении культурной принадлежности данного памятника была уже использована схема В.А.Могильникова /1986а, с.53/. Таким образом, отмечая схожесть кургана № 5 могильника Карбан-I с памятниками куртуско-катонского локального варианта майэмирской культуры, авторы статьи отнесли его «ко второму, собственно майэмирскому этапу, майэмирской культуры».

В 1992 году на конференции «Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии» (г.Горно-Алтайск) Ю.Ф.Кирюшиным, М.Т.Абдулганеевым, С.В.Неверовым при подведении некоторых итогов работы АГУ на Средней Катунь, к майэмирскому этапу (VIII-VI

вв до н.э.) отнесены памятники куюмского типа Элекмонар-II, Бийке, Бойтыгем, а курганные могильники Кайида, Верх-Еланда-II, Тыткескень-I и VI - к пазырыкскому (VI-IV вв до н.э.).

В сборнике материалов к названной выше конференции В.А.Кочеев, называя ряд вновь открытых и изучаемых памятников интересующей нас эпохи в бассейне течения р.Катунь, определил их в «достаточно обособленную группу памятников, характерную именно для этого региона», а погребения в каменных ящиках «усть-куюмского типа» разделил на две группы: 1 — погребения в каменных ящиках с сопроводительными захоронениями коней; 2 — погребения в ящиках без коней, отметив, что более детальная хронологическая разбивка возможна с накоплением большего фактического материала /Кочеев В.В., 1992, с.51/.

В 1992 году в материалах конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛа, исследователями затрагивалось ряд проблем, касающихся определения места обозначенным памятникам раннескифского времени при сравнении их с известными погребальными сооружениями и отдельными находками эпохи бронзы Горного Алтая /Молодин В.И., 1992, с.30-31; Кудрявцев П.И., 1992, с.37-39; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992, с.33-36/. Выдвижение идеи соотношения археологических памятников рубежа эпох вполне закономерно. Абдулганеев М.Т. и Ларин О.В. представили не раз уже высказанную ранее гипотезу о непосредственном участии носителей афанасьевской культуры в этногенезе майэмирского населения, в частности куртуско-катонской группы, а также предложили «усть-куюмскую группу майэмирцев ... выводить из памятников каракольской культуры» /там же/. Может быть, подобная точка зрения и допустима, но делать столь значительные выводы на отдельных похожих и непохожих элементах, характеризующих хронологически разные погребальные комплексы, на наш взгляд, было неправомерно, особенно в представленном виде. Поэтому стоит согласиться с тем, что эпоха поздней бронзы Горного Алтая таит немало загадок и обещает впереди новые блестящие открытия /Молодин В.И., 1992, с.31/.

Начиная с 1988 года в археологических исследованиях на Катунь принимала участие Алтайская экспедиция ИИФФ СО АН СССР. Несколькими отрядами было изучено большое количество древних могильников. Часть результатов работ новосибирских исследователей опубликовано /Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990 и др./.

В течении ряда полевых сезонов на Катунь проводились раскопки отрядом Горно-Алтайского краеведческого музея. В результате исследован курганный могильник Айрыдаш-III, датированный III-II вв до н.э. /Кочеев В.А., 1990а/.

Кроме исследованных курганных могильников в Горном Алтае стали известны в большом количестве и поселения раннего железного времени. Плановые работы по выявлению и изучению этих археологических объектов проводит П.И.Шульга /1990, 1992, 1995в, 1996а и др./.

Заметным событием 1992 года стал запоздавший выход очередного тома серии «Археология СССР» «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время», в котором рассмотрена история развития кочевых и полукочевых племен, живших в раннем железном веке на огромной территории от Средней Азии до Забайкалья. Большое значение этого обобщающего труда заключается, прежде всего, в том, что, во-первых, представлено множество находок разных этапов известных археологических культур, во-вторых, отражены проблемы периодизации, датировки, других дискуссионных вопросов научного осмысления материала, в-третьих, применен комплексный подход при анализе результатов раскопок с использованием методов, разработок, данных и определений других наук.

В 1993 году на конференции «Охрана и изучение культурного наследия Алтая» (г.Барнаул) Д.В.Черемисин впервые сообщил о зафиксированном курганном могильнике «Яломанские ворота», где были обнаружены разрушенные карьером захоронения, одно из которых отнесено исследователем к памятникам «куюмского типа» VIII-VI вв до н.э. по сохранившимся деталям погребального обряда и находке бронзового наконечника стрелы /Черемисин Д.В., 1993, с.140-144/. Кроме этого,

В.Д.Кубарев рассмотрел и проанализировал ряд оленных камней с р.Катунь, относящихся, по его мнению, «к аржано-майэмирскому этапу доскифской эпохи» /Кубарев В.Д., 1993, с.146-149/.

В 1994 году в разных сборниках статей вышло несколько работ, касающихся обозначенной нами темы. В них отражены сведения о результатах раскопок и находок, а также рассматривались более общие вопросы /Абдулганеев М.Т., 1994, с.37-43; Могильников В.А., 1994, с.30-33; Тишкин А.А., 1994б, с.46-49; Кочев В.А., 1994, с.95-97 и др./ . В результате выяснилось, что перепенных проблем по раннескифскому времени Горного Алтая стало намного больше, чем их было при выделении В.А.Могильниковым в 1986 году майэмирской культуры, что является вполне закономерным.

Вышедшая в 1994 году монография Н.В.Полосьмак «Стерегиущие золото грифы (ак-алахинские курганы)» представила результаты исследований курганов назырьской культуры на плато Укок. Годом раньше этим же автором был опубликован интереснейший погребальный комплекс раннескифского времени Ак-Алаха-П /Полосьмак Н.В., 1993/.

За последнее десятилетие количество публикации по скифской эпохе Алтая значительно увеличилось. Однако стала преобладать тенденция наиболее простого пути анализа полученных археологических материалов: краткое описание хода раскопок и зафиксированных результатов, ближайший круг аналогий (а их сейчас, благодаря накопленному материалу, предостаточно), более или менее определенные хронологические рамки существования памятника, известная культурная принадлежность и почти все. Данную ситуацию можно, в принципе, легко объяснить. До 1993 года на территории Горного Алтая велись большие работы археологов в предполагаемой зоне затопления при строительстве Катунской ГЭС, другие аварийные, сугубо научные раскопки и обследования. Затем этот процесс резко оборвался. Для многих исследователей перспективы дальнейших работ в этом регионе стали весьма призрачными и не только в силу экономических причин, но и по другим объективным и субъективным обстоятельствам. Поэтому полученный археологический материал стал выплескиваться в большом количестве без должной интерпретации на страницы многочисленных, по сравнению с предыдущими годами, изданий сборников статей, тезисов и сообщений. Таким образом, на наш взгляд, заканчивается этап накопления археологических данных по скифской эпохе Горного Алтая и начинается время его осмысления на более высоком уровне научного познания. В этом плане совершенно логичным стал выход в 1996 году небольшой монографии Л.С.Марсадолова «История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV вв до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века)», где отражены своеобразные аспекты развития нашей науки и представлена авторская точка зрения на хронологию и культуру скифской эпохи.

В заключении первой главы, необходимо осветить процесс современного изучения памятников раннескифской эпохи на территории северо-западных предгорий Алтая. Полученные результаты по исследованию этого своеобразного и перспективного для дальнейшей работы района добыты небольшим количеством людей. Заметную роль в этом сыграли местные краеведы и любители истории, среди которых необходимо отметить Г.А.Клюкина /Уманский А.П., Клюкин Г.А., 1972; Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985; Клюкин Г.А., 1983 и др./.

При исследовании памятников зоны Гилевского водохранилища был раскопан курган с разрушенным погребением на могильнике Корболиха-Х, который отнесен к VII-VI вв до н.э. по найденному «в выкиде из грабительского шурфа» звену бронзовых удил со стремечковидным окончанием /Могильников В.А., 1991а, с.97-101/. По мнению В.А.Могильникова, по конструкции этот объект сближается с майэмирскими курганами юго-западного Алтая, имеющими каменную насыпь с оградой-выкладкой из более крупных камней на уровне горизонта по ее периметру, в отличие от синхронных курганов с каменными ящиками в восточных, северо-восточных и, отчасти, центральных районах Алтая, где проходила гра-

ница этнокультурных групп /Могильников В.А., 1991б, с.84-85/.

В 1985 году учащиеся Карамышевской средней школы в обрывистом правом берегу р.Корбылиха напротив с.Березовка (Змеиногорский район) обнаружили древнее погребение с конем, где было найдено много бронзовых изделий раннескифского облика. Годом позже памятник был обследован Ю.П.Алехиным. Сообщение о находках в окрестностях г.Змеиногорска кратко опубликовано /Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П. и др., 1988/. Девять лет спустя одним из авторов этой книги разрушенный курган был полностью раскопан /Тишкин А.А., 1995; 1996в/. Проведенные исследования дали определенные результаты относительно традиции сооружения погребальных памятников на территории северо-западных предгорий Алтая, что позволяет подтвердить данные раскопок А.Остермейера, проведенные более 150 лет назад в этом же районе, а также рассматривать своеобразие изучаемого региона в археологическом плане.

В июне 1987 года в Змеиногорский музей истории развития горного производства от В.И.Подкина поступил случайный найденный на берегу Гилевского водохранилища неподалеку от бывшего с.Вакулиха «клад бронзовых изделий», состоящий из остатков нескольких комплектов сбруи раннескифского времени /Бородаев В.Б., 1993, с.150/. Вакулихинское местонахождение исследовалось археологическим отрядом под руководством В.Б.Бородаева в 1987 и 1988 годах. В результате всего этого в Змеиногорском музее хранятся следующие вещи: шесть удилов со стремевидными окончаниями различных форм, три пары У-образных псалиев, одна пара крюковидных псалиев, две бляхи обоймы для перекрестия ремней несколько десятков ребристых колечек-пронизей, псалий с Т-образным крючком в средней части, наконечник в виде головы лошади, колечко с шляпковидным отростком, две подвески, ворворка, застежка, продолговатая обойма, пряжка-блок и две крупные парные пряжки /Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б., 1996/.

У-образные псалии являлись в то время довольно редкой находкой. В.Б.Бородаевым при изучении таких изделий выявлено два небольших по площади и значительно удаленных друг от друга ареала их распространения, что он связывает с миграцией части древних кочевников из северо-западных предгорий Алтая в верховья Енисея /Бородаев В.Б., 1993, с.152, 155/.

Летом 1991 года автору этой монографии А.А.Тишкину управляющим Локотокского отделения совхоза «25 лет Октября» Змеиногорского района А.В.Шейкиным был передан комплект конской сбруи, в котором, вместе с бронзовыми удилами, пряжкой и бляхой, находился У-образный псалий.

При проведении аварийных раскопок на могильнике Машенка-I в Чарышском районе было обнаружено «богатое» захоронение женщины с конем /Демин М.А., Шульга П.И., 1995, с.97-101/. И в этом кургане зафиксированы У-образные псалии, причем они находились в удилах не вверх развилкой, как это принято считать, а вниз /Шульга П.И., 1996/. Найденное захоронение датировалось исследователями VII в до н.э. У-образный псалий и удила со стремечковидными окончаниями еще были обнаружены на правом берегу Чарыша близ с.Харлово Краснощековского района /Шульга П.И., Казаков А.А. и др., 1997/.

Таким образом, на территории северо-западных предгорий Алтая У-образные псалии с удилами к настоящему времени обнаружены в следующих пунктах: Вакулиха-I, Мельничная гора, Березовка-I (Карамышево), Машенка-I, под Солонечным Белком, у Гилевского моста, близ с.Харлово. Зафиксированы такие же находки при исследовании одиночного кургана Кондратьевка-XXI из близлежащего Новошуйбинского района, находящегося на территории Казахстана (устное сообщение Ю.П.Алехина). Известны У-образные псалии из Суртайки /Бородаев В.Б., 1986а; Членова Н.Л., 1994/ и обнаружены в Горном Алтае у с.Каракол /Кубарев В.Д., 1987а, с.251/. Остальные подобные вещи происходят из памятников Северной Тувы, а также из расположенного поблизости с ними могильника Баданка-IV.

Что касается находок бронзовых удилов со стремевидными окончаниями, характерных для

раннескифской эпохи, то они найдены не только в выше названных памятниках, но и известны по случайным находкам из Алейских степей /Клюкин Г.А., 1993/ и лесостепных районов Алтайского края /Ведянин С.Д., Тишкин А.А., 1995; фонды БМК, АККМ и др./.

Зафиксированные отдельные находки и комплексы вещей, среди которых имеются орудия труда, оружие, предметы быта, украшения, другие изделия, можно еще перечислять достаточно количество. Часть из них или сообщения об этом уже опубликованы, некоторые находятся в печати, остальные имеются в частных коллекциях, в музеях страны и за рубежом, по мере возможного привлекались при написании данной монографии.

В мае 1996 года при исследовании аварийного памятника Чесноково-I в Чарышском районе было обнаружено интереснейшее погребение раннескифского времени, находки из которого частично опубликованы /Шульга П.И., Казаков А.А. и др., 1997/. В этом же году проводилось обследование раннескифского могильника Бийке на р.Катунь /Тишкин А.А., Майчиков О.В., 1997/.

Время активных раскопок памятников скифской эпохи в Горном Алтае, вероятнее всего, прошло. Возможно, эпицентр исследовательской деятельности переместится в район северо-западных предгорий Алтая. Сейчас же наступил период оценки многолетней работы и ее результатов.

Таким образом, подводя итоги истории изучения археологических памятников раннескифского времени на Алтае, следует заключить то, что в ходе накопления и осмысления материала названной эпохи выделяются три основных этапа:

1-ый – (от начала XIX до начала XX века (1917 г.)) характеризуется деятельностью любителей старины (А.Б.Остермейер, В.М.Попов, А.О.Чупин и др.), краеведов-исследователей (С.И.Гуляев, Н.С.Гуляев, А.В.Адрианов и др.), известного ученого В.В.Радлова, созданием Барнаульского музея (1823 г.), ставшего местом накопления и хранения археологических данных. В результате зафиксированы различные находки, произведены раскопки на Мельничной горе, в верховьях Бухтармы и других местах Западного Алтая. Часть найденных вещей и результаты были опубликованы. В.В.Радловым выделены четыре хронологических эпохи материальной культуры древних аборигенов Сибири. Все это послужило основой для пробуждения интереса к Алтаю, для формирования научных представлений и направлений работ исследователей в советское время.

2-ой исторически делится на два периода: с начала 20-х годов нашего столетия до начала Великой Отечественной войны и от 1945 года до конца 70-х годов. Эти периоды времени связаны с деятельностью таких известных ученых, как С.И.Руденко, М.П.Грязнов, Г.И.Сосновский, С.В.Киселев, С.С.Сорокин и другие, характеризуется значительными археологическими открытиями, разработкой основных монографических трудов и множества статей. Огромную роль в развитии представлений о начальных этапах становления скифской культуры в Сибири сыграли работы М.П.Грязнова. На данном этапе также образовалось несколько направлений археологического изучения материальных остатков древнего населения региона.

3-ий этап нами определен с начала 80-х годов до нынешнего времени. Он характеризуется увеличением объема археологических источников исследуемой эпохи Горного Алтая, выдвижением ряда культурно-хронологических концепций существования скифской культуры на Алтае, находящихся в русле предыдущих разработок ведущих исследователей, но в несколько иной интерпретации (Л.С.Марсадов, В.А.Могильников и др.), а также нашли место иные подходы при осмыслении полученных результатов раскопок. Значительно пополнился объем сведений и находок из северо-западных предгорий Алтая. Вырос профессиональный уровень археологов. Традиционным стал комплексный подход в археологических исследованиях и при интерпретации полученных результатов.

ПАМЯТНИКИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОГО АЛТАЯ

2.1. КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ

(рис.1; рис.2)

1. АГАФОНОВ ЛОГ-III. Памятник состоял из двух курганов, один из которых в 1988 году раскопан Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР. После разборки каменной наброски было обнаружено кольцо ограды, сложенное из крупных сланцевых блоков. В кургане найдено одно погребение, полностью разграбленное в древности, которое датируется майамирским временем. Об этом свидетельствует находка в могиле бронзовых стрелочковидных удилищ, типичных для этого периода /Алтарева Н.С., 1989, с. 67/. Памятник найден в долине р.Каракол (левый приток р.Ануй, Усть-Канский район Республики Алтай).

2. АЙРЫДАШ-I. Памятник расположен в 3 км к юго-востоку от с.Куюс в одноименной долине на террасе правого берега р.Катунь. На памятнике отмечено более 150 археологических объектов. Раскопки курганов раннескифского времени проводились под руководством А.С.Суразакова в 1986 и 1987 году /Суразаков А.С., Чевалков Л.М., 1988, с.250-251; Кубарев В.Д., 1990, с.18-19; Суразаков А.С., 1990а, с.197-198/. Исследовано несколько (около 8) погребальных сооружений, особенностями которых были: расположение печками по 2-3 объекта; наличие кольцевидных выкладок по периметру курганный насыпи; устройство погребальных камер на уровне древней поверхности или в неглубоких ямах; захоронения лошадей под вымосткой, отдельно примыкавшей с ЮВ; небольшие каменные стелы и др. Погребения разграблены. Из вещей найдены два просверленных каменных клыка, фрагмент рогового псаля, костяное изделие с отверстием в центре. Материалы курганов полностью не опубликованы.

3. АЙРЫДАШ-IV. Памятник расположен в 1,5 км от с.Куюс, на правом берегу Катунь. Раскопки двух курганов раннескифского времени проводились под руководством В.А.Кочеева в 1988 году. Материалы исследований пока полностью не опубликованы, имеется несколько сообщений о находках из этих курганов (Кочеев В.А., 1992, с.51; Кочеев В.А., 1996, с.134/).

4. АЛАГАЙЛ И БАРАТАЛ. В 1968-1969 гг. археологическая экспедиция ИИФФ СО АН СССР и Кемеровского педагогического института произвела раскопки могильника в зоне затопления строившейся Чуйской ГЭС в Акталском районе Горно-Алтайской а.о.. Курганы располагались в 12-17 км к югу от пос.Акташ на правом берегу р.Чуя в двух небольших долинах, одна из которых — Алагайл, вторая — Баратальская. На территории этих долин было зафиксировано 292 объекта, среди которых выделялись каменные курганы с погребальными камерами в виде ящиков на древнем горизонте и захоронения на том же уровне под насыпью. Большинство погребений разграблено. К выделенному нами периоду, вероятно всего, можно отнести следующие объекты: 16, 24, 29, 30, 31, 33, 37, 38, 42, 50, 51, 52, 53, 54, сведения о которых опубликованы (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с.147-172/).

5. АБ-АЛАХА-II. Одиночный курган. Памятник исследован в 1992 году под руководством Н.В.Полосьмак /1993, с.21-28/ на высокогорном плато Укок. Объект имел плоскую насыпь диаметром 27 м, внутри которой выделялась круглая ограда. Рядом с курганом зафиксирова-

но два ряда небольших (до 1 м) каменных стел (13 — с восточной стороны, 7 — с западной). Погребальная камера в виде четырехугольной ограды, сооруженной на уровне древнего горизонта, содержала захоронения людей и лошадей в разных половинах. Найден следующий инвентарь: трое бронзовых удил, обломок трехдырчатого псалма из рога, просверленный нижний клык кабана, 5 золотых полосок с отверстиями по краям для опоясывания хвоста лошади, бронзовый гвоздь. Над погребальной камерой была устapовлена небольшая каменная стела. Датирован курган VIII-VII вв до н.э.

6. **БЕРЕЗОВКА-1 (КАРАМЫШЕВО).** Памятник находился на правом берегу р.Корбалихи, в 1,3 км к западу от водонапорной башни с.Березовка Змеиногорского района. Летом 1985 года учащиеся Карамышевской школы обнаружили раннескифское захоронение человека с конем в разных погребальных камерах и несколько бронзовых изделий. Полностью материалы этого кургана не опубликованы, однако имеется несколько сообщений о памятнике /Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П. и др., 1988, с.202; Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с.12-13/ и в доисследовании разрушенного погребального сооружения /Тишкин А.А., 1995, с.308; Тишкин А.А., 1996в, с.119-123/.

7. **БИЙКЕ.** Находится на первой надпойменной террасе правого берега р.Катунь, в 8 км от с.Еланда по дороге в села Куус и Эдиган, в 0,5 км на ВСВ от устья р.Бийке. Курганы располагаются группами и цепочками по всей площади могильника. Археологические исследования проводились Бийкеским археологическим отрядом Алтайского госуниверситета в течение четырех полевых (1989-92 гг) под руководством А.А.Тишкина. Несколько объектов в 1990 году исследованы Семинским отрядом Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством В.П.Мыльникова. Материалы раскопок могильника частично публиковались /Тишкин А.А., Харченко Т.В., 1990, с.67-70; Тишкин А.А., 1994а, с.46-49; 1994б, с.92-96; 1996а, с.11-13 и др.; Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П., 1992, с.43-49), полное издание результатов исследований на Бийке состоялось в 1996 году. Всего на памятнике было вскрыто 20 курганов раннескифского времени, среди которых выделяются объекты (IX)VIII-VII вв до н.э. и VII-VI вв до н.э. /Тишкин А.А., 1996ж/.

8. **БОЙТЫГЕМ-II.** Памятник располагается в 0,5 км к ССЗ от устья р.Бойтыгем (правый приток р.Катунь). Исследования проводились Бойтыгемским отрядом Катунской археологической экспедиции под руководством М.Т.Абдулганеева. Раскопанные курганы №№ 2,4,6, 8,15,19, датированные раннескифским временем, опубликованы /Абдулганеев М.Т., 1994, с.37-43/.

9. **БОЛЬШОЙ ЯЛОМАН-I.** Памятник находится на правом берегу р.Большой Яломан в 2 км выше впадения ее в р.Катунь. В пределах могильника курганы скомпонованы в 4 микрогруппы. Исследованные курганы 1-3, вероятнее всего, следует относить к раннескифскому периоду /Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с.38-40/.

10. **ВЕРХ-ЕЛАНДА-I.** Памятник состоял из пяти курганов, располагавшихся на склоне горной гряды, проходящей около села Еланда, в 85-100 м к юго-востоку от его южной окраины. Все объекты раскопаны Алтайской археологической экспедиции АГУ в 1988 году /Кирюшин Ю.Ф., Новоров С.В., Степанова Н.Ф., 1990/.

11. **ВЕРХНИЙ ТЕЛЪТЕХМЕНЬ-IV.** Курганный могильник находится примерно в 0,8 км к ЮВ от устья р.Эдиган у юго-западного подножья г.Верхний Тельтехмень. Под руководством Н.Ф.Степановой в 1989 и 1990 гг раскопано 3 кургана, относящиеся к раннескифскому периоду /Степанова Н.Ф., 1997/.

12. **КАРА-КОБА-II.** Памятник находится в 2-2,5 км к ЮВВ от с.Кара-Коба Онгудайского района и расположен в северо-северо-восточном конце урочища Нижний Тюмечин. Состоит из нескольких небольших круглых каменных набросок, в центре каждой из которых сооружено по одному каменному ящику. В 1978 году раскопано два погребальных сооружения. В каждом

из каменных ящиков погребенный лежал скорпенно на боку головой на северо-запад. Работы проводились под руководством В.А.Посредникова /1980, с.25-37/.

13. КАРАСУ-I. Памятник расположен в межгорной долине (Карасу), устье которой выходит в долину р.Катунь к Чуйскому тракту примерно в 9 км к югу от с.Купчегень Онгудайского района. Курган №2 раскопан под руководством В.А.Могильников /1986а, с.35-67; Могильников В.А., Елин В.Н., 1995/.

14. КАРАСУ-II находится в 200 м от курганного могильника Карасу-I. В.А.Могильниковым вскрыто впускное погребение, относящиеся к раннескифскому времени /Могильников В.А., 1986а/.

15. КАРБАН-I расположен на левом берегу р.Катунь в 800 м ниже устья р.Карбан. Раскопки памятника проводились под руководством М.А.Демина в 1989-90 гг. Результаты исследования кургана №5, давшего удивительные материалы раннескифской эпохи, опубликованы /Гельмелъ Ю.И., 1991, с.88-91; Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992, с. 28-34, 170-175/. Кроме него зафиксировано еще несколько объектов интересующего нас периода времени.

16. КЕР-КЕЧУ. Памятник находится близ с.Купчегень Онгудайского района на левом берегу Катунь, около устья р.В.Ильгумень. Раскопки проводились В.А.Могильниковым в 1983 году. К раннескифскому времени относятся безы Inventарные курганы №№ 1,7 /Могильников В.А., 1986/.

17. КОК-СУ-I расположен на правой пойменной террасе р.Кок-су приблизительно в 6 км от ее слияния с р.Аргут. Исследования проводились Южно-Алтайской археологической экспедицией ГЭ под руководством С.С.Сорокина. Курган (кольцо) №42 имея своеобразную конструкцию и комплект предметов раннескифской сбруи для лошади /Сорокин С.С., 1974/.

18. КОР-КОБЫ-I найден на левом берегу р.Катунь в 1,7 км к северо-западу от с.Куюс. Курганы располагались на территории могильника группами и отдельно. Раскопки памятника проводились археологической экспедицией ГАНИИЯЛа: в 1984 году — отрядом под руководством В.А.Кочеева, а в 1989 году — под руководством О.В. Ларина /Суразаков А.С., 1990б, с.56-67/. За два полевых сезона исследовано 8 захоронений раннескифского времени. В 1990 году на курганном могильнике работал Катунский археологический отряд под руководством О.В.Ларина /Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992, с.56-78/.

19. Кош-Тал-I. Курганный могильник находится в 3 км к западу от с.Кокоря Кош-Агачского района, на правом берегу р.Кызыл-Шин, в урочище Кош-Тал. Состоит из 42 разновременных археологических объектов. Раскопки памятника проводились в 1982 году экспедицией ГАНИИЯЛа под руководством А.С.Суразакова /1984, с.232-233/. К раннескифскому времени относится исследованный курган №4 /Суразаков А.С., 1994, с.28,33/.

20. КУРАЙ-III. В 1935 году Саяно-Алтайская экспедиция ГИМа и АИМК под руководством С.В.Киселева и Л.А.Евтюховой работала на Алтае в связи со строительством Чуйского тракта. Большие раскопочные работы были проведены в окрестностях с. Курай Кош-Агачского аймака Ойротской А.О. /Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 75-117/. Курганы № 3,4,5,7-10 с каменными ящиками в центре имели остатки погребений или были пусты.

21. КУРТУ-II. Памятник находится в урочище Курту (участок левого берега р.Бухтармы между устьями рек Курту и Тау-теке). В 1961 г. на могильнике С.С.Сорокиным /1966б, с.41-47/ проведены раскопки 5 объектов, датированных IX-VIII вв. до н.э.

22. КЫЗЫК-ТЕЛАНЬ-I. Курганный могильник расположен в 6-9 км к ЮЮВ от с.Куюс на 15-метровой первой надпойменной террасе правого берега р.Катунь в долине Кызык-Телань, где зафиксировано более 100 памятников различных эпох. Раскопки курганов раннескифского времени проводились под руководством А.С.Суразакова в 1980, 1988 годах, а в 1989 и 1991 гг. — В.А.Могильникова и А.С.Суразакова. Исследования были начаты с юго-восточного кон-

ца могильника, где начинается долина Кызык-Телань. В 1980 году А.С.Суразаковым вскрыто 10 курганов. Многие ящики были пустыми, кроме заполнения гумусированным песком и камнями, но кенотафами они не являлись. Кости были выкинуты при ограблении, а оставшиеся могли полностью истлеть, на что указывает плохая сохранность остеологических остатков, встреченных в отдельных ящиках /Суразаков А.С., 1983/. В последующие годы на памятнике Кызык-Телань-I исследовано еще более 30 объектов раннескифского времени, однако материалы раскопок полностью не опубликованы, а лишь имеются сообщения о работах на могильнике и ссылки на некоторые полученные результаты /например, Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с.40; Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994, с.87 и др./.

23. **КЫЗЫЛ-ДЖАР-IX.** Одиночный курган находился в 8 км к ЗЮЗ от с.Бельтир Кош-Агачского района, в конце высокогорной долины, ограниченной с одной стороны невысоким отрогом горного хребта, а с другой стороны — р.Ак-кель, на краю ее левобережной надпойменной террасе. Раскопки проводились под руководством В.А.Могильникова /1986, с.35-36/.

24. **КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК НА р.МАЙЭМИР.** Результаты исследований А.В.Адрианова были неоднократно опубликованы /Адрианов А.В., 1916; Руденко С.И., 1930, 1960 и др./.

25. **МАШЕНКА-I.** Памятник обнаружен во время обследования строящейся дороги Сентелек-Машенка в апреле 1993 года П.И.Шульгой. Он находился на 20-метровой террасе на левом берегу р.Кедровая, в 250-300 м к востоку от места ее впадения в р.Чарыш. Наибольший интерес представляет хорошо сохранившееся погребение женщины с лошадью, датированное по многочисленным находкам VII в до н.э. /Демин М.А., Шульга П.И., 1995, с.97-101/.

26. **МЕЛЬНИЧНАЯ ГОРА.** Одиночный (?) курган находился близ г.Змеиногорска. Описание результатов раскопок изложено в главе I настоящей работы. Вещевой комплекс из этого объекта неоднократно публиковался /Aspelin I.R., 1877; Бородаев В.Б., 1986а; Демин М.А., 1989/.

27. **НИЖНИЙ ТОБОТОЙ-I** располагается в 3 км западнее с.Ело, на 315 км Усть-Канского тракта, в устье неширокой р.Тоботой (левый приток р.Ело), на ее правобережной надпойменной террасе, в распадке, образованном ответвлениями горы Тунгахту. В глубине распадка находится животноводческая ферма. Могильник состоит из погребальных сооружений различного типа. В 1977 году раскопаны одна четырехугольная ограда, внутри которой находился каменный ящик с захоронением, и одна могила на древней дневной поверхности, прикрытая прямоугольной наброской из каменных плит. Работы проводились под руководством В.А.Посредникова /1980, с.25-27/.

28. **НИЖНИЙ ТЮМЕЧИН-II.** Памятник находится в 1,5 км к СВ от с.Ело Онгудайского района и протянулся вдоль южного и юго-восточного подножья скального возвышения «Первый Межелик», в 200 м восточнее могильника Нижний Тюмечин-I. В состав могильника входит 45 каменных ящиков, две круглые ограды из поставленных на ребро плит и две каменные стелы. Некоторые из каменных ящиков вписаны в афанасьевские ограды. В 1978 году под руководством В.А.Посредникова было раскопано три каменных ящика /Посредников В.А., 1980, с.29/. В 1980 году М.Т.Абдулганеевым исследовано еще три каменных ящика. Материалы исследований этих всех объектов опубликованы /Степанова Н.Ф., 1996, с.68-69, рис.10-11/.

29. **КУРГАН НА ПОСЕЛЕНИИ ПАРТИЗАНСКАЯ КАТУШКА** был обнаружен и исследован П.И.Шульгой. Памятник находился в 1 км к северо-западу от с.Узнеза (авторы выражают благодарность П.И.Шульге за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок этого кургана).

30. **ПЕРВЫЙ МЕЖЕЛИК** находится в 1 км к востоку от с.Ело. В 1980 году Л.С.Марсадоловым раскопан курган с двумя ящиками: в одном было разграбленное погребение человека, в другом — череп и кости ног коня /Марсадолов Л.С., 1981б, с.195-196/.

31. **ПЕСЧАНАЯ-I.** В 1989 году археологическим отрядом ИА АН СССР и Горно-Алтайско-

го пединститута под руководством В.А.Могилиникова и В.Н.Елина проводились работы в районе с.Беш-Озек Шебадинского района. Курганный могильник, состоящий из 17 археологических (16 курганов и 1 стела), находился в 1,5 км восточнее села на правом берегу небольшой горной речки Песчаная. На площади этого памятника раскопано 2 кургана, один из которых относится к раннескифскому времени /Елин В.Н., Могилиников В.А., 1993, с.218/.

32. ПOKPOBCKИЙ ЛОГ-IV. Памятник находится в Чарышском районе близ дороги Сентелек-Покровка. В 1991 году при возведении насыпи дороги были задеты и разрушены древние погребальные и поминальные сооружения. В 1992-1994 годах здесь под руководством П.И.Шульги производили археологические раскопки экспедиции, организованные на базе НПЦ «Наследие» и БГПУ /Шульга П.И., 1995; Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996, с.109-110/. На памятнике раскопано несколько объектов, среди которых отмечен характерный для раннескифского времени вариант раздельного захоронения человека и лошади. Результаты раскопок этого могильника еще полностью не опубликованы.

33,34. САЛЪДЯР-I,II. Памятники находятся на правом берегу р.Катунь напротив устья р.Большой Яломан. Работы проводились под руководством В.А.Могилиникова, А.С.Суразакова, О.В.Ларина. Материалы исследований не опубликованы, однако в них имеется ряд небольших сообщений /Могилиников В.А., Суразаков А.С., 1994, с.40; Ларин О.В., 1994 и др./.

35. СЕМИСАРТ-I. Исследования памятника проводились Горно-Алтайской экспедицией Алтайского госуниверситета и Государственным Эрмитажем. Работы осуществлялись под руководством Л.С.Марсадолова в 1980, 1985, 1986 годах. Курганный могильник находится близ с.Ело в Онгудайском районе. Результаты раскопок частично опубликованы /Марсадолов Л.С., 1981б, с.195-196; 1987б, с.260-261; 1988, с.244 и др./.

36. КУРГАНЫИ МОГИЛЬНИК ПОД СОЛОНЕЧНЫМ ВЕЛКОМ. Описание результатов раскопок этого памятника, исследованного А.В.Адриановым неоднократно публиковались /Адрианов А.В., 1916; Руденко С.И., 1960 и др./.

37. ТОГУСХАН-I. Памятник был обнаружен в 1984 году М.Т.Абдулгансеевым и находится в 250 м к востоку от устья ручья Тогусхан у подножья гор на террасовидном уступе берега р.Катунь. Курганы располагаются цепочками. Интерес представляет исследованный курган №3, где имелись все признаки погребального обряда раннескифского времени. Диаметр кургана 3,5 м, высота 0,3 м. Насыпь сооружена в 2-3 слоя камней. В центре находился каменный ящик прямоугольной формы, ориентирован по линии ЮВ-СЗ, внутренние размеры его 1,12 x 0,54 м, состоял из 6 плит. Перекрытие ящика представляло собой гранитные плиты, валуны. Боковые стенки ящика устанавливались не на погребенную поверхность, а на дне квадратного котлована, глубина которого от уровня древнего горизонта была 0,18-0,2 м, длина сторон около 2,5 м. К северо-востоку от ящика на расстоянии 0,5 м был установлен большой валун, который по периметру основания обложен 12 мелкими валунами и установлен на дне предварительно вырытого котлована. На дне ящика обнаружен скелет женщины 45-50 лет (?), которая была положена на правый бок с подогнутыми ногами головой на ЮВ. Справа от черепа обнаружены обломки глиняного сосуда.

38. ТОГУСХАН-IV находится в 5 км южнее с.Куюс, в 500 м к югу от устья ручья между краем катунской террасы и горами. Состоит из четырех групп курганов. Раскопки проводились археологической экспедицией АГУ под руководством Ю.Ф.Киришина в 1989 году. Курган №11 был сооружен, вероятнее всего, в раннескифское время /Ефремов С.А., 1995, с.90-93/, чем в предмонгольское /Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с.123/.

КУРГАН 11. Насыпь диаметром около 3 м, высотой до 0,3 м сооружена из камней. В центре кургана, с некоторым смещением к востоку находился ящик, состоящий из двух поставленных на ребро плит, сверху перекрытых еще одной. Боковые стенки ящика установле-

ны на древнюю поверхность, торцевые стенки отсутствуют. В ящике лежал череп лошади без нижней челюсти. Сохранность плохая.

39. ТЫТКЕСКЕНЬ-I. Памятник открыт в 1983 году М.Т.Абдулганеевым и находился на левобережной террасе р.Катунь близ устья р.Тыткескен. Часть курганов данного памятника были сооружены на поселении Тыткескен-II. В целом могильник занимает всю небольшую террасу, ограниченную со всех сторон реками Катунь, Тыткескен и высокими горами. Курганы располагались несколькими группами. Исследование памятника проводилось археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф.Кирюшина в 1988 году. К раннескифскому времени относятся следующие объекты:

КУРГАН 4 (рис. 3). Находился у подножья горы около скальных выходов. В центре кургана стояла стела, возвышающаяся над задернованной насыпью на 0,49 м. Насыпь округлой формы диаметром 5,5-6,0 м, стела стояла внутри конструкции, напоминающей ящик, на поверхности насыпи по ее периметру прослеживалось подобие кольца диаметром 4-5 м. После снятия наброски выявилась циклопическая конструкция размерами 2,4 x 2,0 м, представляющая собой крепиду из вертикально поставленных каменных глыб, напоминающую в плане ящик подовальной формы, внутри которого стояла стела высотой 0,7 м, шириной 0,38 м. Высота конструкции от погребенной почвы вместе со стелой 1,4 м. Внутри конструкции выявлен каменный ящик размерами 1,6 x 1,4 м, ориентированный длинной осью по линии ЮЮВ-ССЗ. Ящик перекрыт каменными плитами, наложенными на торцы вертикально стоящих стенок. Стела имела размеры у основания 0,43 x 0,29, у верхушки 0,23 x 0,12 м, общую длину 0,86 м. Ящик сложен из четырех плит. Стык восточной и северной стенки укреплен каменной плитой также, как и стык южной и западной стенок. После выборки забутовки ящика, на уровне основания стенок, прослежен гумусированный слой в углистых пятнах с вкраплением мелких угольков. Под нижней плитой прослежен прокол диаметром около 0,23 м, мощностью 2-2,5 см.

КУРГАНЫ 5-6. Расположены рядом друг с другом. Курган 5 находится в 3 м к северу от кургана 4. После того, как снят верхний слой камней, выявились кольца: у кургана № 5 диаметром около 4 м, а у кургана № 6 — около 3 м. Кроме того, в центре каждого кольца имелось скопление более крупных камней (разрушенный ящик). В некоторых местах камни кольцевой выкладки лежали в 2, а иногда и в 3 слоя. При разборке насыпи кургана 6 были обнаружены фрагменты керамики, которые концентрировались в западной части кургана. Больше никаких находок не обнаружено.

КУРГАН 7. Находится в 2,5 м к северу от кургана 6. До раскопок хорошо прослеживалось кольцо из рваных камней диаметром 3-4 м. После зачистки курганная насыпь имела подовальную форму размерами 8,1 x 6,5 м. Кольцо из крупных камней диаметром около 3,5 м сооружено в 2 слоя. Площадка внутри кольца была ровной. Насыпь состояла из 1-3 слоев камней. При разборке насыпи обнаружено два фрагмента керамики. Могильной ямы или других находок не зафиксировано.

КУРГАН 8 (рис. 4). Во время зачистки в северном секторе обнаружено несколько фрагментов керамики, один из которых украшен жемчужником. В центре кургана имелась западина. Насыпь имела 1-3 слоя камней. Каменный ящик незначительно смещен от предполагаемого центра к западу. Он составлен из вертикально поставленных камней, четырехугольный, ориентирован по линии СЗ-ЮВ, имел размеры 1,85 x 1,15 м, высотой до 0,75 м. Погребение разрушено. Сохранность костей плохая. Вещей нет.

КУРГАН 9 (рис. 5.-1,2,3). После зачистки имел округлую форму диаметром около 4,5 м. Камни насыпи лежали в 1-3 слоя. Нижний слой составлен из более крупных камней, чем верхний. В центре объекта находился каменный ящик, перекрытый сверху камнями насыпи. Сооружение четырехугольной формы, составлен из четырех камней и плит поставленных вер-

тикально. Западная стенка двойная. Ориентирован ящик по линии ЮЗ-СВ. Размеры 1,17 x 0,66 м, высота камней до 0,3 м. Ящик забутован мелкими и средними по размеру камнями, стоял на уровне древней поверхности. Среди камней ящика найдена косточка животного. Других находок не было.

КУРГАН 10 (рис. 5.-4,5,6). Насыпь округлой формы, диаметром 5,5 м. У северной части кургана находился крупный камень, выступающий над современной поверхностью на 0,3 м. С юго-восточной стороны имела небольшая «пристройка». В центре насыпи прослежена кольцевая выкладка диаметром около 3 м. Внутри кольца курган сложен из двух слоев камней. В центре кольцевой выкладки, с небольшим смещением к В, находился каменный ящик, стенки которого выступали над современной поверхностью. Ящик сооружен из 4 вертикально поставленных камней, четырехугольный, размерами внутри 1,06 x 0,8 x 0,4 м, ориентирован по линии Ю-С. Ящик заполнен мелкими камнями. Находок в нем не было. Общая длина ящика 1,2 м, поставлен он на уровень древней поверхности.

КУРГАН 11. При зачистке кургана обнаружен фрагмент керамики и зуб животного. Насыпь округлой формы, к юго-восточной стороны к ней примыкала небольшая «пристройка» из камней (рис.6). Курган имел размеры по линии Ю-С — 8,5 м, по линии З-В — 9,5 м, по линии ЮВ-СЗ — 11,5 м, включая пристройку. По краю насыпи кургана и в пристройке прослеживались крупные камни, которые, однако, сплошного кольца не образовывали. В центре кургана находился каменный ящик, составленный из пяти крупных камней, поставленных вертикально, ориентированный по линии СЗ-ЮВ, пятиугольной формы (рис. 7.-1). Некоторые камни ящика вершинами выступали на поверхности каменной насыпи кургана. Крупные булыжники наброски лежали в 2 слоя, промежутки между ними заполнены щебнем, мелкой галькой. Каменный ящик был сооружен на уровне древней поверхности, высота его до 0,7 м, размеры 1,6 x 2 м, внутри он забутован мелкими камнями. Погребение сильно потревожено, кости плохой сохранности. Найдено несколько костей человека. Первоначальное положение сохранили кости ног. Вероятнее всего, умерший был уложен скорченно, головой на север. Вещей нет. В пристройке под камнями обнаружено захоронение лошади, которая лежала на левом боку, головой на СЗ, в яме глубиной до 0,4 м (рис.7.-2). Череп лошади отсутствовал. Из вещей найдена только костяная пронизка (рис. 50.-2) и кости ноги.

КУРГАН 12. Находился в 6 м от к.11. Насыпь округлой формы диаметром 6,5 м. По краю насыпи прослеживалось кольцо из крупных камней, уложенных горизонтально (рис. 7.-3). Размеры кольца около 5,5 м. В центре кургана прослеживался ящик из вертикально поставленных камней на уровне древней поверхности, ориентированный по линии СЗ на ЮВ. Насыпь в 1-2 слоя на уровне древней поверхности. Ящик составлен из 6 плит, четырехугольной формы, размерами 1,65 x 1,45 м, высотой до 0,65 м (рис. 7.-4). На глубине 0,55-0,65 м погребен человек, уложенный скорченно на левом боку, головой на север. Погребение немного нарушено, часть костей отсутствовала, черепа не было, сохранилась нижняя челюсть. Вещей не найдено.

КУРГАН 13. Находился в 3 м к северу от кургана 12. Насыпь имела диаметр около 6,5 м. По ее краю находились крупные камни, но четкого кольца они не образовывали. Камни лежали в 1-2 слоя. В центре, с небольшим смещением к северу, под западной находился каменный ящик из вертикально поставленных на уровень древней поверхности небольших плит и камней (рис. 8.-1,2). Ящик ориентирован с С на Ю, размерами 2,45 x 1,05 (по дну 1,85 x 0,5 м), высотой до 0,55 м. Большинство плит отклонено наружу (рис.8.-2). Плиты слегка заглублены в слой гумусированной супеси на 15 см до материка. Ящик сверху был перекрыт частично камнями, а ниже заполнен мешаной землей. На дне ящика погребен человек. Погребение потревожено, особенно в северной части. Многих костей нет вообще (в том числе и черепа), остальные перемешаны. Первоначальное положение сохранили только кости ног. Судя по

всему, умерший был уложен вытянуто на спине, головой на север. Вещей нет. У южной части кургана в западном секторе после зачистки под насыпью обнаружена яма, заполненная камнями $1,05 \times 0,95$ м, глубиной до 0,4 м, заполненная мелкими окатанными камнями и одним крупным рваным камнем, стоящим наклонно (рис. 8.-3). Находок нет.

КУРГАН 14. Объект представлял собой скопление камней.

КУРГАН 16. Находился в 4 м к ССЗ от кургана 8. Два фрагмента керамики обнаружены при зачистке. Курган округлой формы, диаметром 4 м. Крупные камни расположены по краю насыпи как бы по кругу - (кольцо). В западном секторе к ЮЗ от центра находился небольшой каменный ящик из вертикально поставленных плит. Насыпь выложена в 1 — 2 слоя. Ящик ориентирован СЗ—ЮВ. Размеры $1,05 \times 0,8$ м, состоял из трех плит. Северная плита отсутствовала. Ящик забутован мелкими камнями. Находок не было.

КУРГАН 17. Объект представлял собой скопление камней (рис. 8.-4). Расположен в 8 м к западу от кургана 15, самый северный в цепочке из раскопанных курганов.

40. ТЫТКЕСКЕНЬ-VI. Памятник представлял собой могильное поле из археологических объектов разных эпох. Курганы раннескифского времени располагались микроцепочками (по 2-3 объекта) вдоль левого берега р.Тыткескень. Исследования памятника проводились экспедициями Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф.Кирищина в течении ряда лет (с 1989 по 1992).

КУРГАН 26 был раскопан в 1989 году. В центре этого объекта до раскопок фиксировалась небольшая западина — след от проникновения в погребальную камеру, связанный, скорее всего, с актом осквернения могилы, т.к. имеющийся погребальный инвентарь оказался нетронутым.

Насыпь сложена из рваных и окатанных камней, самые крупные из которых находились в центральной части и в юго-восточном секторе (рис. 10.-1). Камни лежали в 1-2 слоя на гумусированной супеси, т.е. при сооружении надмогильной части кургана они укладывались на уровень древнего горизонта. Отсутствие многих камней в кладке являлось следствием того, что их брали на возведение более поздних объектов, вероятнее всего, уже в скифское время. При разборке насыпи обнаружены неорнаментированный фрагмент венчика керамического сосуда и кости животного. Могильное пятно зафиксировано на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности, контур его был подпрямоугольной формы, с более закругленными углами в юго-восточном секторе. Длинной осью могила ориентирована по линии ЮВ-СЗ. В земляном заполнении были обнаружены камни и плиты неправильных форм, а также две крупные кости животного. Глубина могильной ямы от уровня древней поверхности — около 0,5 м, размеры ее контура на уровне древней поверхности — $3,23 \times 1,5$ м. Кости человеческого черепа расположены беспорядочно, остальные находились в анатомическом порядке. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ССЗ (рис. 10.-2). С левой стороны, под тазом, обнаружено бронзовое зеркало (рис. 10.-3), которое находилось в чехле, спитом из шкуры зверя мехом вовнутрь (рис. 10.-4). Под ним также сохранился фрагмент ткани (рис. 10.-8) (результаты анализа см. ниже), а еще ниже сохранились фрагменты стеблей тростника — остатки подстилки на дне могилы толщиной 3 мм (рис. 10.-9). Здесь же обнаружено бронзовое колечко (рис. 10.-5). Зеркало имела диаметр диска 12,2 см, длина ручки 7 см, на ручке имеется отверстие в виде «запятой». Чуть севернее расположения зеркала найдена аргонитовая трехжелобчатая застежка (рис. 10.-7), вокруг которой сохранились остатки кожи. Цвет застежки — кремово-белый, отдельных зерен не видно, кристаллический, внешне напоминает кость. На стороне, которая лежала на дне могильной ямы, имеется карбонатная корочка. Камень считается пещерным отложением, его твердость 4-4,5 (определения Е.Л.Дзюговской). Также с левой стороны у второго позвонка лежало бронзовое колечко (рис.10.-6).

аналогичное ранее пайденному. Внутри этого изделия сохранился обрывок кожного ремешка. При контрольном перекопе, в северной части могилы обнаружены угольки.

Анализ образца ткани из кургана 26 выполнен научным сотрудником лаборатории химических исследований Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) Е.А. Миколайчук в 1991 году:

Ткань темно-коричневого цвета. Переплетение полотняное. Плотность нитей на 1 см 16 x 20. Местами ткань перекошена. Толщина нитей как основы, так и утка неравномерна и составляет 0,25-0,3 мм. Крутка нитей и основы и утка в Z. Волокна нитей как основы, так и утка являются однородными по качественному составу - это 100% шерсть. Тонина же волокон, входящих в состав нитей различна: волокна, имеющие тонину 25 мкм — 70 шт; волокна, имеющие тонину 15 мкм — 17 шт. Общее количество волокон в нити 87 шт. Средняя тонина волокон в нити — 23 мкм. Волокна, составляющие нити данного образца ткани по их тонине и строению причисляются к пуховым волокнам. Нити основы и утка в данном образце идентичны.

Анализ образца ткани из кургана 26, выполненный в 1995 году Т.Н. Глушковой:

Фрагмент ткани полотняного переплетения, плотной и достаточно тонкой. Нити ткани крученные по схеме Z, тонина нитей 0,25-0,3 мм, уток и основа одинаковы. Плотность ткани 24 нити на 1 см по основе, 22 нити на 1 см по утку (уток и снова определены по соотношению плотности, кромка отсутствует). Нити в полотне ткани равномерного натяжения, фактура однородная. Ткань была пропитана оливковым маслом, что затрудняет исследование материалов. В частности невозможно точно определить сырье. По косвенным признакам можно предполагать, что это шерсть (?). На фрагменте ткани сохранился участок шва, где край ткани подогнут и подшит через край двойной ниткой, аналогичной нити из полотна.

В 1991-1992 годах было исследовано 5-6 курганов раннескифского времени, которые имели насыпь в 1-2 слоя камней и крепиду из наиболее крупных булыжников. В центре объектов находилась неглубокая могильная яма или грубо оформленный каменный ящик, поставленный на уровень древнего горизонта, ориентированные по линии ЮВ-СЗ. В погребальных камерах кости человека или отсутствовали, или находились в беспорядке.

КУРГАН 51. Бесформенная насыпь сложена из рваных камней, среди которых найдены фрагменты керамики и кости. В центре сооружения находилась каменная отрада из скальных глыб прямоугольной формы, размерами 1,43 x 1,35 м (рис. 12.-3). Кости погребенного малочисленны и перемешаны. Вещей нет.

В 1993 году вблизи исследованного кургана № 26 был заложен раскоп, охвативший два оставшихся кургана микрощелочки. Оба объекта были сооружены на территории многослойного поселения /Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994/.

КУРГАН 55. Каменная насыпь в 1-2 слоя камней была диаметром около 6,5 м (рис. 11.-1). С запада-юго-запада у поды кургана обнаружена вертикально вкопанная стела (или балбал), возвышающаяся над уровнем древней поверхности на 21 см. Северо-западная часть кургана разрушена. В северо-восточном секторе насыпи была зафиксирована сваленная стела (рис. 11.-1; рис. 12.-1), которая вкапывалась в яму, забутовывалась, а затем обкладывалась камнями (рис. 12.-1). Яма, глубиной 0,47 м от уровня древней поверхности, хорошо прослеживалась у основания стелы. Обработанный камень имел наибольшую длину до 0,8 м, ширину до 0,23 м, толщину до 0,13 м, характерную скошенность сверху, обозначенный «поясок» и выделенное основание (рис. 12.-2). Получилось так, что обе стелы находились на одной линии (рис. 11.-1). Фрагмент черепа обнаружен среди камней насыпи рядом (в 0,4 м к западу) со стелой в северо-восточном секторе (рис. 12.-1). Кольцевая выкладка диаметром около 3,3 м из более крупных камней хорошо фиксировалась на поверхности кургана (рис. 11.-1). По всей видимости, погребение человека находилось в центре кольца на уровне древнего горизонта, но было разрушено, поэтому отдельные сохранившиеся кости найдены в разных местах исследуемого объек-

та. При разборке курганной насыпи и заполнения кольцевой выкладкой обнаружен орнаментированный венчик сосуда, зуб животного и обломок каменного оселка (рис.56.-2).

КУРГАН 56. На поверхности насыпи, сложенной преимущественно из 1-2 слоя мелких и средних камней, выделялась кольцевидная выкладка диаметром около 13 м. В центре круга выявлено два пятна, одно из которых оказалось заполнением могильной ямы, а другое — остатками следов неудачно выбранного грабительского проникновения. На глубине около 1 м в могильной яме были обнаружены лежащие в беспорядке каменные плиты неправильных форм. Под ними находились разбросанные кости человеческих конечностей и два бронзовых двухлопастных, втульчатых наконечника стрелы (рис.60.-8,10). Размеры одного наконечника таковы: длина — 4,3 см, наибольшая ширина — 1,4 см; диаметр втулки 7 мм, длина ее 21 мм. Размеры другого наконечника следующие: длина — 4,0 см, наибольшая ширина 1,3 см; диаметр втулки 6,5 мм, длина ее 18 мм. Под юго-западной частью насыпи было обнаружено погребение эпохи энеолита (большемысской культуры) /Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.60-61, рис.31/.

41. УСТЬ-КУЮМ. Памятник располагался на высокой террасе правого берега р.Катуни близ устья р.Куюм на 25 км Чемальского тракта. Работы на курганном могильнике проводились под руководством О.М.Сергеева /Марсадалов Л.С.,1981а/, Г.П.Сосновского /1941, с.304-306/, Е.М.Берс /1974, с.18-31/, Н.Ф.Степановой /1996, с.115-119/. Площадка террасы ограничена с севера и запада левым берегом р.Куюм, с востока горами, а с юга — руслом р.Катуни, вдоль которого проходит Чемальский тракт.

42. ЧЕРНЫЙ АНУЙ-I. Памятник был обнаружен А.П.Окладниковым в Усть-Канском районе на правом берегу р.Ануй, в 1,5 км южнее села Черный Ануй. Дорога, ведущая в село, срезала частично одну ограду, так что в обрыве была видна могильная яма. При обследовании выяснилось, что на территории могильного поля имеется еще ряд каменных выкладок. Раскопанная каменная кладка состояла из крупных глыб, уложенных в пределах могильной ямы, размеры которой составили 2,1 x 1,7 м, глубина 0,3 м от уровня фиксации. Два костяка лошадей, уложенных в свое время на левый бок с подогнутыми ногами, находились в яме. Ориентированы животные были головами на север, у одного из них в зубах лежали бронзовые удила и псалии, а возле лопатки — костяное изделие /Молодин В.И., Петрин В.Т.,1985, с.67-69/.

43. ЧЕСНОКОВО-I. В мае 1996 года близ с.Куйбышево Краснощековского района исследовался разрушаемый карьером курган раннескифского времени. Опубликованные сведения носят характер предварительного сообщения /Шульга П.И., Казаков А.А. и др.,1997/.

44. ЧОБА-VII. Памятник находится в долине Чоба на правом берегу среднего течения р.Катуни, примерно в 15 км к юго-востоку от с.Еланда, в 150 м к юго-востоку от группы объектов пазырыкской культуры Чоба-VI. Раскопки проводились под руководством А.С.Суразакова и О.В.Ларина. Исследовано два погребальных сооружений и три выкладки /Ларин О.В., Суразаков А.С.,1994, с.86-87/.

45. ЭЛЕКМОНАР-II. Исследование курганного могильника проводилось под руководством Н.Ф.Степановой в 1984 году. Памятник находится на высоком правом берегу р.Катуни, в 1-1,3 км по дороге от устья р.Куюм в с.Элекмонар, в 1,5-2,0 км от с.Элекмонар по дороге в с.Узнезя, вдоль Чемальского тракта, при строительстве которого, вероятно, уничтожено несколько курганов. Участок террасы, на которой расположен памятник, с северо-востока ограничен горами, с юго-запада рекой Катунь. Могильник состоял из 13 объектов, вытянутых цепочкой по линии ЮВ-СЗ. Вскрыто 10 объектов. О результатах раскопок кратко сообщалось /Степанова Н.Ф., 1986/, состоялась и полная публикация всех материалов /Степанова Н.Ф., 1996/.

46. ЯЛОМАНСКИЕ ВОРОТА. Памятник находится на высокой террасе левого берега р.Катуни, примерно в 2-х км ниже с.Малый Яломан. Обследование разрушаемых карьером курганов провел Д.В.Черемисин /1993, с.140-141/.

1. В ОКРЕСТНОСТЯХ с. АНШУХТА обнаружены бронзовые изделия: кинжал, нож и удила /Соснов В.И., Эбель А.В., 1995, с. 54-58/.

2. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВАКУЛИХА-I представляет собой остатки нескольких комплектов сбруи раннескифского времени, которые хранятся в Змеиногорском музее /Бородаев В.Б., 1993, с.150-155; Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б., 1996, с.195-199/.

3. СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ИЗ ГАКМ: бронзовые наконечники стрел и кинжал /Кочеев В.А., 1986/.

4. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ (МОГИЛЬНИК ?) ГИЛЕВСКИЙ МОСТ. На берегу Гилевского водохранилища близ плотины жителем г.Рубцовска М.В.Носковым были обнаружены бронзовые вещи: удила, псалий, бляха, пряжка (рис. 45). Изделия были переданы А.А.Тишкину управляющим Локотокского отделения совхоза «25 лет Октября» Змеиногорского района А.В.Нейкиным.

5. СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ. На территории Горного Алтая были найдены бронзовые кинжалы и ножи, датируемые VIII-VI вв до н.э., в следующих пунктах: с.Катанда, с.Шебалино, с.Усть-Улаган, с.Улус-Черга и др. /Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Ч., 1982, с.53, 58-63/. Близ с.Узнесзя найдены бронзовые удила, которые сейчас хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее (ОФ № 20).

6. ДЕПИСОВА ПЕЩЕРА. В культурных напластованиях указанной пещеры не обнаружен слой, который отражал бы начальный этап раннего железного века или переходное от бронзы к железу время. Однако при раскопках найдено несколько предметов, относящихся бесспорно к давнему периоду. Выделяемый комплекс включает два бронзовых ножа, двухлопастной бронзовый наконечник стрелы, каменная и костяная застёжки, фрагмент керамики /Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 106/.

7. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА НА р.КАРАМА. При промывке золотообойщиками песка и гравия в русле р.Карамы (приток р.Ануй, Солонешенский район) обнаружен бронзовый наконечник стрелы с шипом (передан Е.А.Киселевым) /Ситников С.М., Шульга П.И., 1995, с.59-62/.

8. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КОЗУЛЬ. В 1981 году В.А.Могиляникову студент Горно-Алтайского пединститута В.Модоров передал бронзовые удила, найденные на кургане близ с.Козуль Усть-Канского района. Изделие передано в ГАКМ /Могиляников В.А., 1994, с.30/.

9. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА У СЕЛА ЛОКОТЬ. Установить точно место нахождения бронзовых удилищ не представляется возможным. Из слов находчика стало известно, что он был найден на одном из курганов близ села Локоть /Клюкин Г.А., 1994, с.30-33/.

10. МАЙЭМИРСКИЙ КЛАД. Наиболее полное описание вещей этого памятника и анализ их выполнен Л.Л.Барковой /1983, с.20-31/.

11. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ИЗ с.МЕНДУР-СОККОН. Бронзовый нож с полукруглым валиковым навершием и отверстием в основании рукояти. Нож дугообразнообуховый с уступчатым переходом ручки в лезвие. Длина 14,5 см, ширина 1,7 см. Найден в окрестностях с.Мендур-Соккон Усть-Канского района (хранится в школьном музее села) /Кочеев В.А., 1986, с.158/.

12. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ БЛИЗ ОЗЕРА НОВЕНЬКОЕ. На песчаных дюнах около берегов оз.Новенькое в Локтевском районе найдены бронзовые вещи: наконечник стрелы, нож /Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1996, с.109-113/.

13. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ (МОГИЛЬНИК ?) НОВОНИКОЛАЕВКА. Памятник обнаружен при прокладке траншеи на окраине с.Новониколаевка летом 1978 года. Никаких сведений об обряде погребения неизвестно. В Рубцовский филиал АККМа поступили следующие вещи: бронзовое зеркало с бортиком (в обломках), каменная курительница и пастовые бусы /Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996, с.163/.

14. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА БЛИЗ СЕЛА НОВОСЕЛЮИХА бронзового чекана /Там же/.
15. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ИЗ с.ОРТОЛЫК. Бронзовый наконечник стрелы хранится в школьном музее с.Ортолык в Горном Алтае /Кочеев В.А.,1995, с.95-97/.
16. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ БЛИЗ с.ХАРЛОВО. На правобережной террасе р.Чарыш у с.Харлово Краснощековского района местные жители нашли бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и У-образный псалий /Шульга П.И., Казаков А.А. и др., 1997, с.128/ и многие другие.

2.3. ПОСЕЛЕНИЯ

1. МАЛЫЙ ДУГАН. В квадрате 2и/9 (глубина примерно 0,8 м) обнаружен бронзовый наконечник стрелы (рис.60.-9): длина 41 мм, наибольшая ширина 16 мм, диаметр втулки 7 мм. Раскопки проводились под руководством Н.Ф.Степановой (авторы благодарны Н.Ф.Степановой за предоставленную возможность публикации этого изделия).

2.3. ТЫТКЕСКЕНЬ-III, VI. Среди керамических фрагментов, относящихся к раннему железному веку /Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.,1995/ имеются подобные тем, что найдены в насыпях исследованных курганов, датируемых раннескифской эпохой.

4. САРЫ-БЕЛ. Материалы раскопок поселения полностью опубликованы /Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю.,1995/.

5. СЕМИСАРТ-I. Памятник находится в южной части одноименного урочища неподалеку от курганного могильника раннескифского времени /Марсадоллов Л.С.,1987,1988/.

6. ЕЛБАНЫ. Памятник находится на останце коренного берега р.Чарыш в 2-3 км на северо-восток от с.Елбанка Усть-Пристанского района Алтайского края. Стационарные раскопки дали огромный разновременный археологический материал, среди которого особенно выделяются трехдырчатые псалии (рис. 38.-1,2,3), найденные неподалеку друг от друга, в одном слое, на глубине 50 см от современной поверхности. Рядом с ними, но на глубине 75 см, был обнаружен бронзовый наконечник стрелы /Тишкин А.А., Медникова Э.М., 1993/.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В РАННЕСКИФСКУЮ ЭПОХУ

3.1. ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ IX-VI ВВ ДО Н.Э.

При изучении археологических памятников раннескифского времени Горного Алтая исследователи, часто, сталкиваются с такой проблемой, как наличие сильных разрушений имеющихся погребений, что не позволяет провести полноценный анализ погребального обряда населения того времени. В связи с этим, наиболее важным источником информации становятся сохранившиеся нетронутыми различные погребальные сооружения, их конструкции, а также расположение курганов на могильном поле относительно друг друга. Это позволяет не только восстановить ряд утраченных элементов погребального обряда в результате сравнения исследованных объектов одной эпохи и на одном могильнике, но и выйти на уровень реконструкции других (хозяйственных, социальных, идеологических и т. п.) сторон культуры населения интересующей древней эпохи.

Погребальные сооружения, рассматриваемые как форма организации замкнутого пространства для умершего человека, являются относительно устойчивым признаком погребального обряда определенных групп людей. Вид погребального сооружения во многом определяется господствующей религиозно-мифологической концепцией и влиянием природной среды /Ольховский В.С., 1991, с.16/. Кроме этого, на наш взгляд, на виде погребального сооружения сказывались и другие стороны жизни людей, среди которых необходимо отметить определенный тип ведения хозяйства, имеющий значительное влияние на характер общественно-экономических отношений и менталитет конкретных социально-родственных образований. Также не стоит исключать значение практического владения навыками и приемами различного строительства (в том числе, особенно, возведение жилищ), умения использовать и обрабатывать необходимые материалы для устройства погребений. Не последнюю роль играет организация всего процесса захоронения, где отражалось отношение к умершим, основанное на традиционных связях между поколениями людей.

Одной из главных частей погребального ритуала всегда являлось создание погребальных сооружений. Даже при разрушениях удается восстановить имевшие место конструкции, а, основываясь на них, и ряд других элементов обряда захоронения. На наш взгляд, именно детальное изучение погребальных сооружений (ПС) позволит наиболее полно судить о культуре населения Алтая в скифскую эпоху. Исследование существовавших традиций воздвижения курганов невозможно без сравнений. Поэтому необходима классификация, которая бы наиболее полно отразила существенные черты и детали конструктивных особенностей ПС раннескифского времени, показала происхождение, развитие традиции и могла быть универсальной, что позволяло бы использовать ее при дальнейшем накоплении материалов.

Для выявления типов ПС раннескифской эпохи Алтая нами были выработаны критерии, определяющие отношения наиболее показательных и надежно фиксируемых признаков внутрикурганых конструкций, которыми характеризуются исследованные захоронения обозначенного отрезка времени (IX-VI вв до н.э.). Это позволило провести таксономическое группиро-

рование, основанное на построении четко разграниченных черт в иерархии показательных уровней и в результате которого представлялась наиболее полная характеристика имевших место погребальных сооружений рассматриваемого периода. В основу такого рода анализа положены оказавшиеся доступными результаты исследований курганов на разных могильниках (см. гл.2). Часть погребений не попали в эту систему обработки материалов в связи с отсутствием полного набора нужных показателей. Это связано с целым рядом причин: сильные разрушения оных или оскверненных захоронений, отсутствие полной информации об интересующих потребностях, несовершенная методика исследований курганов раннескифского времени, недоступность информации и другие причины.

При систематизации всего комплекса полученных данных, отражающих характеристики ПС раннескифской эпохи Алтая, использованы следующие классификационные единицы (сверху-вниз) (рис.13 и 14):

I. КАТЕГОРИЯ — это группа объектов (артефактов или сооружений) одного или предположительно одного функционального назначения /Клейн Л.С., 1991, с.379/. В данном случае эта классификационная единица отражает группу комплексов ПС разных курганных могильников раннескифской эпохи Алтая, обозначенных выппе. Под сооружением понимается недвижимый (не портативный) артефакт, обычно крупный и нередко сложный, во всяком случае, неотделимый от среды (от окружающей земли, от местности) без разрушений. Каждый такой объект имел некогда в живой культуре единственное назначение /Там же, с.373/. Таким образом, погребальные сооружения включают в себя комплекс сохранившихся внутрикурганных конструкций.

II. ГРУППА — это любая совокупность объектов, объединенных некой общей им всем характеристикой (одночленной или составной) или выделенных по некоторому единому для этой совокупности принципу /Там же, с.359/. В нашей классификации данная единица системы позволяет отдельно рассматривать ПС только для умерших людей и ПС для захоронения человека с животными (лошадь, овца) или их частями (рис. 13 и 14). Таким образом мы имеем две группы ПС, соотношение которых таково: I группа — 73%, II группа — 27%. Стоит заметить, что примерно такое же соотношение сохранилось для захоронений (человека без коня и с конем) и в последующий пазырыкский период /Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997/.

III. РАЗРЯД. Данный таксон отражает наличие или отсутствие такой конструктивной особенности исследуемой категории как кольцевая выкладка (КВ) по периметру курганной насыпи. Выделено два разряда.

III а. ПОДРАЗРЯД уточняет имеющиеся два вида КВ, обозначенные условно как «крепида» и «стенка»

IV. РАЗДЕЛ определяет количество погребальных камер (ПК) или их отсутствие в захоронениях. В результате выделено четыре вида подобного рода фиксации.

IV а. ПОДРАЗДЕЛ указывает на соотношение погребальной камеры для умершего человека и сооружения для захоронения животного или частей его по факту их соприкосновения либо отдельного размещения. В таком случае выявлено два вида подраздела.

V. ОТДЕЛ фиксирует размещение погребальных камер относительно уровня древнего горизонта (УДГ). Таких показателей оказалось три: на УДГ, в материковом слое (МС) и комбинированный вариант для нескольких погребальных камер, обозначенный УДГ/МС.

VI. ТИП. Этот таксон определяет вид погребальной камеры для одного человека (ящик, яма), отсутствие такого сооружения и различные комбинации при наличии или отсутствии нескольких ПК. Таких типов выявлено в количестве 10.

В результате всей проведенной работы по классификации выявлено 33 типа погребальных сооружений раннескифской эпохи Горного Алтая. В данном определении под типом понимается результат идеализации (абстрагирования, суммирования и усреднения) целых (отдельных)

артефактов предположительно одного назначения, объединенных по их сходствам между собой и отличием от других артефактов того или иного назначения /Клейн Л.С., 1991, с.215/. Таким образом, за определенным типом ПС стоит несколько отдельных показателей, характеризующих имевших места конкретных действий и их результатов, которые нашли свое отражение в конструкциях внутрикурганных элементов. Вот их характеристики (рис. 13 и 14):

I тип ПС. Для трех умерших людей были сооружены три ПК в виде примкнувших друг к другу каменных ящиков, поставленных на УДГ внутри пространства КВ, определенной как крепиды по периметру курганной насыпи. Данный тип зафиксирован только один раз на могильнике Карасу-II, к.1 (рис.15.-1).

II тип ПС. Для умершего человека сооружалась одна ПК в виде неглубокой (около 1 м) ямы (вырытой в МС и иногда обложенной по краю камнями или перекрытой плитами), в центре КВ — крепиды, составленной по периметру курганной насыпи. Такой тип ПС зафиксирован на Курту-II, к.1 (рис. 15.-2); Тыткескен-VI, к.56 (рис. 11.-2); Кызык-Джар-IX; Айрыдыш-I, к. 15 а; Кер-Кечу, к. 7 и др.

III тип ПС. Для умершего человека сооружалась одна ПК в виде каменного ящика, который был, частично или на всю свою высоту, вшит в МС внутри пространства КВ — крепиды, составленной по периметру каменной насыпи: Кор-Кобы-I, к.11; Айрыдыш-I, к.17 а, Бойтыгем-II, к.6 (рис.16.-1,2).

IV тип ПС. Для умершего человека сооружалась одна ПК в виде каменного ящика, установленного на УДГ в центре КВ, которая определена как крепиды по периметру курганной насыпи: Тыткескен-I, к.4 (рис.3), к.5,6,к.12 (рис.7.-3,4), к.13 (рис.8.-1,2,3), к.16; Бийке к.11,13а,15; Верх.Тельтокмень-IV, к.2 (2); Айрыдыш-I, к.4а; Кор-Кобы-I, к.3,4,5,8,10; Элекмонар-II, к.2,3, 4,7; Карасу-I, к.2; Песчаная, к.1; Бойтыгем-II, к.15 и др.

V тип ПС. Для умершего человека не сооружался ни каменный ящик, ни яма, его клали на УДГ в центре КВ в виде крепиды по периметру насыпи: Бийке, к.18 (рис.17; рис.28.-2); Бойтыгем-II, к. 8; Кор-Кобы-I, к.12; Тыткескен-I, к.7; Тыткескен-IV, к.55 (рис. 11); Элекмонар-II, к. 8,9 и др.

VI тип ПС отличается от II типа тем, что КВ представлена в виде стенки, выложенной из камней по периметру курганной насыпи: Бийке, к.7 (здесь к тому же отмечен небольшой подбой, закрытый каменной плитой) (рис.18).

VII тип ПС отличается от IV типа только наличием КВ в виде стенки по периметру кургана: Бийке, к.13, к.14.

VIII тип ПС — условно обозначен как «верх-еландинский». Данный тип ПС отличается от IV и VII только отсутствием КВ: Верх-Еланда-I, к.2 (рис.19-2,3),3,5 (рис.20); Бийке, к.1,2,5 (рис.21),12; Бойтыгем-II, к.4; Кыра-Коба-II, к. 1,2; Кор-Кобы-I, к.1; Нижний Тюмечин-II, к.1,2,3,4,5; Элекмонар-II, к. 5,6,10; Семисарт-I, к.3; Тыткескен-I, к.8 (рис.4); Тыткескен-VI, к.51 (рис.12.-3); Курай-III, к.3,4,5,7,8,9,10; Алагаил и Баратал, к.38,50,52,53,54; Яломанские ворота и др.

IX тип ПС отличается от III типа отсутствием КВ: Тогустан-I, к.3.

X тип ПС отличается от II типа отсутствием КВ и встречен однажды на памятнике Тыткескен-VI, к.26 (рис.10.-1,2).

XI тип ПС отличается от V типа отсутствием КВ: Алагаил и Баратал: к.16,24,29,30,31,33,37 /Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985/.

XII тип ПС. Для захоронения умершего человека с остатками животных (козя и барапа) возведено три ПК в виде примкнувших друг к другу каменных ящиков, поставленных на УДГ внутри КВ — крепиды по периметру насыпи. Данный тип обнаружен на могильнике Семисарт-I, к.1 (рис.15.-4).

XIII тип ПС. Для осуществления обряда захоронения вырывалась в МС большая яма, в которой устраивали ПК для умершего человека в виде каменного ящика и рядом с ним сооружали яму для захоронения животного (коня). Все эти три ПК находились внутри КВ, которая представляла собой крепиду по периметру насыпи. Данный тип зафиксирован при раскопках к.19 могильника Бойтыгем-II (рис.16.-3).

XIV тип ПС. ПК для умершего человека в виде могильной ямы располагалась внутри КВ, которая, в свою очередь, была обнесена крепидой, обозначающей периметр насыпи. С юго-восточной стороны, у внешней стороны крепиды кургана сооружены две ямы, разделенные материковой перемычкой, для захоронения коней. Данный тип зафиксирован в к.2 а могильника Айрыдаш-I /Суразаков А.С., Чевалков Л.М., 1988; Суразаков А.С., 1990а и др./.

В Для погребения человека с конем сооружались две ПК в виде соприкасавшихся друг с другом каменных ящиков, установленных на УДГ внутри КВ, которая определена как крепиды по периметру насыпи: Бийке, к.4 (рис.22); Чоба-VII, к.3 (рис.23.-1).

XVI тип ПС — условное название которому определено — «элекмонарский». Для погребения умершего человека сооружалась ПК в виде каменного ящика, установленного на УДГ в центре КВ — крепиды по периметру насыпи; рядом с ящиком, также на УДГ, обычно клялось умерщвленное животное (лошадь) или часть его без четко обозначенной ПК (бПК): Элекмонар-II, к.1 (рис.24.-4); Бийке, к.20 и др..

XVII тип ПС отличается от предыдущего лишь тем, что вместо ящика для умершего человека устраивали яму. Такая ситуация отмечена на могильнике Кор-Кобы-I, к.18 /Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992/.

XVIII тип ПС. Для погребения умершего человека и животного сооружались две ПК в виде соприкасавшихся друг с другом ящика, установленного на УДГ, и ямы, вырытой в МС и иногда обложенной по краям камнями. ПК находились внутри КВ, определенной как крепиды по периметру насыпи: Черный Ануй-I; Бойтыгем-II, к.2 (рис.16.-4,5); Чоба-VII, к.2 (рис.23.-2,3) и др.

XIX тип ПС. Для погребения умершего человека и животного сооружались две ПК в виде неглубоких ям, обложенных камнями и разделенных перемычкой. ПК находились внутри КВ. Подобный тип ПС встречен на могильнике Курту-II, к.3 (рис.15.-3).

XX тип ПС. Для захоронения умершего человека и животного сооружалось две ПК в виде каменного ящика (или кольца) и ямы, которые не соприкасались друг с другом, т.к. ПК для погребения человека устраивалась в центре КВ (крепиды по периметру насыпи) на УДГ, а яма для коня выкапывалась с внешней стороны крепиды: Тыткескен-I, к.11 (рис.6; рис.7.-1,2) и др.

XXI тип ПС отличается от предыдущего только тем, что ПК для умершего человека сооружалась в виде могильной ямы. Данный факт зафиксирован на могильнике Айрыдаш-I, к.3а /Суразаков А.С., Чевалков Л.М., 1988; Суразаков А.С., 1990а/.

XXII тип ПС. Для захоронения человека с двумя животными (лошади) вырывалась в МС обложенная затем по краям камнями могильная яма, которая находилась в центре КВ (крепиды по периметру насыпи). Такие ПС обнаружены при раскопках кургана Кер-Кечу /Могильников В.А., 1986а/.

XXIII тип ПС. В одной погребальной камере в виде могильной ямы, находящейся в центре КВ, захоронен умерший человек и умерщвленные лошади. Такой тип ПС зафиксирован при раскопках к.5 могильника Карбан-I /Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992/.

XXIV тип ПС. Человек и животное (лошадь) погребены рядом на УДГ без оформленных ПК внутри КВ в виде стенки, сооруженной по периметру кургана. Зафиксирован подобный случай при раскопках к.26 могильника Кор-Кобы-I /Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992/.

XXV тип ПС. Для захоронения человека и животного сооружались соприкасавшиеся друг

двух типов две ПК: в виде каменного ящика, установленного на УДГ, и ямы внутри КВ (стенка по периметру курганной насыпи). Данный тип встречается при раскопках к.6 могильника Бийке /Тишкин А.А., 1996ж/.

XXVI тип ПС — условно обозначен как «бийкенский» и отличается от предыдущего тем, что обе ПК представлены в виде каменных ящиков. Данный тип обнаружен пока только на могильнике Бийке в 3 курганах: к.8,9 (рис.25),10.

XXVII тип ПС. Для погребения человека и животных сооружалась яма, в которой для умершего человека устраивался подбой, закрытый каменными плитами, животные же (лошадь и овца) располагались рядом. Все это находилось внутри пространства КВ в виде сложенной стенки по периметру насыпи. Данный тип ПС обнаружен на могильнике Машенка-1 (рис.26).

XXVIII тип ПС. В яме, сооруженной под каменной насыпью, устанавливались две соприкасавшиеся друг с другом ПК в виде каменных ящиков. Такие конструкции обнаружены при раскопках кургана Мельничная Гора.

XXIX тип ПС. Для погребения умершего человека сооружался каменный ящик на УДГ, а рядом с ним казали лошади также на УДГ без четко обозначенной ПК. Затем все это сверху засыпалось камнями без сооружения КВ. Такой тип ПС зафиксирован при раскопках к.1 могильника Айрыдаш-IV /Кочев В.А.,1992; Кочев В.А.,1996/.

XXX тип ПС отличается от предыдущего тем, что для погребения умершего человека сооружалась могильная яма. Такой тип ПС обнаружен при раскопках к.2 могильника Кор-Кобы-1 /Суразаков А.С., 1990/.

XXXI тип ПС. Для захоронения человека и животного сооружались две ПК в виде ящиков (или колец), установленных на УДГ и соприкасающихся друг с другом, под каменной насыпью без КВ по периметру. Подобные сооружения встречены на Бийке, к.3 (рис.27), 19; Семи-сарт-1, к.2; Алагайл и Баратал, к.42 и др..

XXXII тип ПС. Для захоронения человека и животного сооружались две соприкасающиеся друг с другом ПК: каменный ящик на УДГ и яма, обложенная камнями. Все это сверху перекрыто насыпью без КВ по периметру. Такая конструкция обнаружена при раскопках кургана 17 могильника Бийке (рис.28.-1; рис.29).

XXXIII тип ПС условно назван «усть-куюмским» и представляет собой две ПК не соприкасавшихся друг с другом в виде каменного ящика, установленного в яме и перекрытого насыпью без КВ, и отдельно вырытой ямы рядом с предыдущей конструкцией, также с каменной наброской по размерам сооружения: Усть-Куюм,к.9 (рис.30), и др.

Подводя итоги выделению типов ПС раннескифской эпохи Горного Алтая, остановимся, в связи с этим, на общих характеристиках показателем реализованных элементов погребального обряда, используемого древним населением исследуемой территории. Так из 163 рассмотренных курганов, в которых имели место определенные при классификации типы ПС, на уровне древнего горизонта погребения устраивались в 131 случае (80,3%)(все процентные данные считались от общего числа раскопанных курганов, в которых отмечался весь комплекс рассматриваемых признаков для ПС, т.е. 163 объекта - 100%). Среди них для умерших людей сооружали на УДГ 115 каменных ящиков (70,6%) и в 16 исследованных курганах (9,8%) четко оформленная ПК отсутствовала. Кроме этого, погребения устраивали и в МС. Данное положение зафиксировано 21 раз (12,0%), причем хоронили еще не только в яме, но и в ящиках, впущенных в материк, - 11 случаев (6,7%). Среди ПК в виде могильной ямы стоит отметить три случая сооружения подбоя в одной из стенок (Бийке, к.7; Машенка-1; Карбан-1, к.5), два из которых были закрыты камнями. Зафиксированный при исследованиях курганов раннескифского времени Горного Алтая биритуализм в сооружении ПК (в виде каменного ящика и ямы) свойственен разным периодам древней истории и наблюдается во многих изве-

тных культурах, а вот отсутствие четкого оформленного ПК является характерной и отличительной особенностью всего изучаемого комплекса захоронений.

Таким образом, ПК в виде сооруженного для погребения человека каменного ящика является преобладающей и обнаружена она в 126 курганах (77,3%).

Кольцевая выкладка внутри насыпи имела в 102 рассмотренных объектах (62,6%). Из них вид КВ определенной как крепиды по периметру наброски зафиксирована 86 раз (52,8%), как выложенная стенка — 16 (9,8%). Отсутствие КВ отмечено в 61 случае, что составило 37,4% от общего количества изучаемых курганов.

При раскопках захоронений раннескифской эпохи Горного Алтая обнаружена в большинстве одна погребальная камера, предназначенная для умершего человека. Это зафиксировано 103 раза и составило 63,2%. Кроме уже отмеченного факта отсутствия ПК в 16 случаях, в 39 (24%) курганах раскопано две ПК, предназначенные для погребения человека и одного или двух животных. В 5 случаях (3%) найдено три ПК. Для двух последних вариантов (14 объекта — 27%) количества ПК, где зафиксированы животные отмечено два таких типа ПС: 1 — когда ПК соприкасались друг с другом (35 случаев — 21,5%) и 2 — где ПК располагались в разных местах (9 случаев — 5,5%).

Для двух ПК зафиксировано 13 раз (8%) то, что одна ПК находилась на УДГ, а другая располагалась в МС. Для нескольких ПК характерно ряд комбинаций, среди которых отмечены следующие: ящик + ящик(и) — 16 (9,8%), ящик + яма — 13 (8%), яма + яма — 8 (5%), ящик + бПК — 5 (3%), яма + бПК — 2 (1,2%).

Еще одним характерным показателем при фиксации элементов ПС является ориентация ПК по сторонам света. Для этого, как правило, определяется направление длинной оси имеющегося сооружения. При исследовании неразрушенных комплексов замечено, что ориентация погребенного человека и животного почти всегда соответствует указанным данным ориентации по сторонам света ПК. Это обстоятельство весьма важно при изучении курганов, погребения в которых разрушены или разграблены. Также следует отметить еще и другое наблюдение. В том случае, когда ПК, сооруженная для человека, полностью разрушена ее ориентацию можно определить по этому же показателю ПК, в которой захоронено животное. Все имеющиеся у нас материалы подтверждают данные обстоятельства. Таким образом, удалось определить ориентацию направления длинной оси ПК в 146 (89,6%) курганах. В 17 случаях (10,4%) погребальные камеры отсутствовали или не было нужной информации. Следует отметить, что при этом не учитывалась ориентация погребенных людей (это будет рассматриваться отдельно в следующем параграфе), а все данные сгруппированы по трем основным направлениям. В результате преобладающей оказалась ориентация ПК по линии СЗ-ЮВ — 93 случая (57,1%), затем отмечено направление З-В — 37 раз (22,7%) и Ю-С — 16 (9,8%). Среди этих данных такие виды ПК для одного умершего человека, как ящик (1) и яма (2) имели следующие показатели: 1 — СЗ-ЮВ — 81 (48,7%), З-В — 31 (19,0%), Ю-С — 13 (8%); 2 — СЗ-ЮВ — 6 (3,7%), Ю-С — 3 (1,8%).

В заключении приведем комплекс общих характеристик, полученных при подведении итогов по выявлению типов ПС раннескифской эпохи Горного Алтая. Картина представляется следующая. Для совершения погребального обряда при захоронении людей, как правило, сооружалась одна ПК в виде каменного ящика, поставленного на УДГ в центре КВ, составленной по периметру курганный насыпи. При этом существовали и другие типы ПС. Кроме того, отмечается традиция захоронения человека «с конем», для чего сооружалось две ПК, которые в большинстве случаев примыкали друг к другу и имели 5 комбинаций различных видов ПК, оформленных внутри пространства КВ, размещенной по периметру курганный насыпи. Основные отличия от такого устройства ПС являются отсутствие КВ и размещение ПК в разных местах (ПК для коня за пределами курганный насыпи).

Имеющиеся различия в традициях возведения ПС на курганных могильниках раннескифской эпохи Алтая, на наш взгляд, связаны прежде всего с причинами хронологического порядка, а также особенностями традиций конкретных локально-территориальных групп населения. Кроме этого не стоит исключать инокультурность некоторых ПС или отдельных элементов такого явления, появившихся в результате каких-либо контактов. Также вероятна эволюция погребального обряда, идущая по пути привнесения черт жилищных построек в «доме мертвых», сосуществование новых и старых традиций. Считается, что разнообразие ПС является результатом ослабления кровнородственных отношений и усилением социальных отношений. При этом не исключено влияние хозяйственной деятельности, географической среды (местности) и идеологических представлений. Так или иначе анализ типов ПС, во-первых, позволяет выявить вариативность и особенности погребального обряда, во-вторых, определить комплекс общих и преобладающих черт данного явления и, в-третьих, характеризовать показательные признаки раннескифского времени Алтая, что все вместе, в конечном итоге, позволяет говорить о культуре населения исследуемого региона на рубеже эпох, отличная от пазырыкской, но являющейся предтечей для последней.

Характеристика погребального обряда (ПО) обозначенного времени была бы неполной без рассмотрения таких показателей, как ориентация и положение погребенных. Главная проблема изучения такого рода данных заключается в том, что среди 163 представленных объектов лишь в 44 (27%) эти показатели отражены. В 100 случаях (61,3%), где курганы ограблены, разрушены или скелеты не сохранились, наиболее вероятно предположительное определение ориентации а, в редких случаях, возможна такого же плана фиксация общей (неконкретной) предполагаемой позы. В остальных объектах (11,7%) это отразить не представлялось реальным.

3.2. ОРИЕНТАЦИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ ПОГРЕБЕННЫХ ЛЮДЕЙ В КУРГАНАХ РАНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ АЛТАЯ

Ориентация умерших людей по сторонам горизонта является одним из важных признаков, характеризующих ПО. Эти сведения при раскопках фиксируются достаточно четко с помощью компаса или буссоли. Часто ориентация используется исследователями как один из главных показателей при выделении отдельных культурно-классификационных единиц (тип, группа, локальный вариант и др.). Однако при археологических раскопках однокультурных курганных могильников почти никогда не встречаются захоронения, в которых погребенные люди были бы ориентированы только в одно какое-то направление. Чаще всего, ориентировка умерших варьирует вокруг одного наиболее массового направления, а иногда наблюдается и достаточно большой разброс таких показателей.

Судя по данным этнографии, ориентация погребенных людей в процессе захоронения играла у большинства народов важную роль в представлениях, связанных со смертью, т.к. человек переселяется в другой (загробный) мир. Для этого, сориентировав тело в определенном направлении, умершему указывается путь в потусторонний мир. Нередко ориентация совпадает с направлением течения реки, либо лицом к реке. В этом случае реализуется идея плавания в иной мир, подтвержденная в ходе жизни людей: утонувший человек никогда не возвращается живым. Если посмотреть с такой точки зрения, то, например, на курганном могильнике Вийке западная ориентация погребенных совпадает с направлением течения р. Катунь в том месте, где расположен памятник. А если к этому еще присовокупить то, что умершие захоронены в каменных ящиках, отражающих допустим идею челна (лодки), то формально объяснение можно считать найденным. Однако встает вопрос семантики других направлений в ориентации погребенных на том же могильнике и в подобных ПС.

Ориентация погребенных могла быть связана с какой-то родовой святыней, например, скалой, а также может рассматриваться относительно поселений или сторон света, откуда пришли предки, подчиняться представлениям об «упытии в сторону заката» /Шилов Ю.А., 1995, с.71,72/.

Однако, на наш взгляд, наиболее вероятным ориентиром для придания телу заданного направления при погребении является соотнесение данного процесса с восходом и заходом солнца, как одним из наиболее простых и древних способов определения сторон света. Тем более, что с движением солнца у многих народов связаны представления о жизни и смерти человека. В таком случае обратимся к методу определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта, разработанном В.В. и В.Ф. Генцингами /1985, с.136-152/.

Определить стороны горизонта по солнцу достаточно просто по замеченным точкам его восхода и захода. Однако, как известно, положения этих точек варьируется в зависимости от времени года и географической широты места наблюдения. В связи с этим, вероятнее всего, связано разнообразие ориентировок, фиксируемых при раскопках. Разбор имеющихся данных ориентации погребенных позволяет с учетом сезонных отклонений и географической широты установить не только каким образом древние люди определяли стороны горизонта (по восходу или заходу солнца), но и определить, по возможности, время года, когда совершалось захоронение. Рассмотрим имеющиеся у нас данные на нескольких уровнях: соотнесение показателей ориентации на одном из могильников; на материале 44 курганов 17 могильников, показатели которых не вызывает сомнений; на результатах 100 объектов из 25 памятников, ориентации погребенных на которых в большинстве случаев предположительна и, наконец, представление общей характеристики для всех исследованных погребений и сравнение их друг с другом. Это позволит соотнести точные показания ориентации погребенных с предполагаемыми, основанными на направлении длинной оси ПК для человека и ориентации ПК для захоронения животного или его положения.

Для выбора анализируемых показателей ориентации погребенных, на наш взгляд, предпочтительнее было взять данные из материалов раскопанных курганов могильника Бийке, на котором исследовано 20 объектов интересующей нас эпохи. Данный выбор связан, прежде всего, с тем, что памятник раскапывался одним из авторов монографии. Кроме того, процент по количеству целых погребений от общего числа раскопанных курганов превосходит средний показатель (35% против 27%), на этом памятнике представлено несколько типов ПК и установлена различная ориентация. Данные ориентации погребенных на могильнике Бийке распределены следующим образом: на запад (З) — 15; на запад-северо-запад (ЗСЗ) — 1; на северо-запад (СЗ) — 2; на север (С) — 1 и неопределено 1. Таким образом, преобладающая ориентация — западная. Если исходить из того, что определение стороны горизонта определялись по заходу солнца, то с учетом выше сказанных двух положений, погребенные летом должны были ориентированы головой на СЗ, осенью — на З, зимой — на ЮЗ, весной — на З. Если же стороны горизонта определялись по восходу солнца, тогда летом погребенных должны были ориентировать головой на ЮЗ, осенью — на З, зимой — на СЗ, весной — на З /Там же, с. 140, табл. 3/. Данная схема изменений направлений восхода и захода солнца в зависимости от времени года учитывает то, что Горный Алтай располагается на 50° с.ш. /Там же, с. 138, рис. 1; с. 139, табл. II/. Полученные результаты имеют ряд повторяющихся ситуаций в первом и во втором случае. Поэтому необходимо ввести еще один корректирующий показатель. Этим стало следующее условие, принимаемое как правило. Замечено, что наибольшая смертность приходилась на зиму и весну. Тогда становится ясным, что люди, хоронившие своих родственников на могильном поле близ устья р.Бийке, определяли стороны горизонта по восходу солнца. И результаты, в связи с этим, выстроятся следующим образом: 1 человек, ориентированный на С, умер возможно летом или, вероятнее всего, это показатель другой

традиции в ориентировке погребенных и он указывает на осень/весну /Там же, с.140/; 2 человека (на СЗ) захоронены зимой; 1 (на ЗСЗ) поздней зимой или ранней весной. Из оставшихся 15 результатов, большинство фиксирует то, что люди умерли и погребены весной, хотя не исключено, что такое могло случиться с некоторыми и в начале осени.

Выводы, полученные при рассмотрении традиции ориентировки умерших людей по сторонам горизонта на могильнике Бийке, дают возможность подняться на уровень подобного анализа большего количества данных. В 44 объектах, где ориентация зафиксирована точно, показатели этого распределились следующим образом: на З захоронено 15 человек, на ЗСЗ — 5, на СЗ — 16, на ССЗ — 1, на С — 3, на ССВ — 1, на ЮВ — 2, на В — 1. При анализе полученных показателей становится ясным, что основная ориентация базируется вблизи показателя «головой на З», подтверждая тем самым определение стороны горизонта при большинстве захоронений по восходу солнца. Тогда зимой было погребено 16 человек, поздней зимой или ранней весной — 5, а весной и осенью — 15. Что касается других определений, то и здесь отмеченная ориентация на С указывает реализацию другой традиции погребения. Это же может распространяться и на показатели В и ЮВ, хотя их, как обратные основной массе ориентировок погребенных, на наш взгляд, стоит рассматривать как долю исключительности, противоположности или противопоставки бытовавшим традициям.

Подобная всей предыдущей ситуации представляется картина при предполагаемом определении ориентации 100 объектов, которые более или менее пострадали в течении времени со дня сооружения. Показатели этих данных распределились следующим образом: З — 24, ЗСЗ — 4, СЗ — 34, ССЗ — 13, С — 16, ССВ — 3, СВ — 3, ВСВ — 1, ЮВ — 1, ЮЮВ — 1, ЮЗ — 1, ЗЮЗ — 1. Соответствие тенденций двух групп рассматриваемых объектов позволяет констатировать то, что показатели, на основе которых обозначена предполагаемая ориентация, являются одними из источников реконструкции ориентации погребенных.

Таким образом, общая картина распределения всех учтенных данных по 144 курганам, в которых были захоронены умершие люди, представляется такая: З — 39 (27,1%), ЗСЗ — 9 (6,25%), СЗ — 50 (34,7%), ССЗ — 14 (9,7%), С — 19 (13,2%), ССВ — 4 (2,8%), остальные — 9 (6,25%).

Подводя итог данному рассмотрению, можно сделать следующие выводы /Тишкин А.А., 1996е/:

1. Ориентация умерших людей раннескифского времени Алтая базировалась на определении сторон горизонта по восходу солнца.

2. Преобладающими из зафиксированных ориентаций захороненных людей являются северо-западная и западная, отражающие совершение процедуры погребения преимущественно зимой и весной.

3. Выявлена еще одна традиция ориентации умерших людей — головой на север. Если исходить из того, что такое направление базировалось также на определении сторон горизонта по восходу солнца, то тогда показатели на С отражают осуществление процесса погребения весной или осенью, на ССВ, СВ, ВСВ — разные фазы зимнего периода. Небольшая часть зафиксированных случаев северо-западной ориентации приходится на лето. Наличие нескольких традиций (северной и западной) в ориентации умерших подтверждается при обращении к конкретным материалам не сильно разрушенных и неграбленных погребений. Так к.17 могильника Бийке, погребение на памятнике Маиленка-1 и другие объекты с северной ориентацией датируются вещественными комплексами относительно поздним этапом. Не исключено, что выявленные две традиции в ориентации умерших людей, какое-то время сосуществовали.

4. Остальные зафиксированные случаи ориентации отражают либо результат захоронения в летний период времени при западной традиции (ЗЮЗ, ЮЗ), либо противоположны существующим, как факт противоречия (ЮВ, В). Конечно, что из этих немногочисленных данных

могут иметь место и элементы инокультурности, и другие всевозможные случаи, объяснения которым будут различными.

5. При комплексном подходе к имеющимся результатам по ориентации необходимо для общей картины использовать и предположительные данные, основанные на определениях направлений погребальных камер, сооруженных для отдельного захоронения человека и животных.

6. Используемая методика поможет исследователям среди разнообразия фиксируемых при раскопках ориентаций четко классифицировать один из важнейших признаков погребального обряда, выявив при этом основную традицию, характерную для определенного населения или группы людей, а также установить либо наличие других традиций, либо инокультурность и другие показатели рассматриваемого явления.

7. Достаточно точная фиксация магнитного направления сторон горизонта дает возможность не только реконструировать древние обычаи, но и выявить ряд процессов демографического характера и связанных с религиозными и другими представлениями.

8. Все промежуточные ориентировки являются сезонными отклонениями от четырех основных направлений и не могут считаться самостоятельными (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с.152/).

И все же одна лишь констатация данных ориентации по сторонам горизонта погребенных людей не дает возможности для полного понимания смысла погребального обряда. Такие наблюдения необходимо интерпретировать в совокупности с характеристиками положения умерших людей. Для этого обратимся к имеющимся у нас данным 44 уцелевших погребений. Среди них в 33 случаях погребенные были уложены скорченно, на левый бок. Такая же поза, но на правом боку зафиксирована 4 раза. Кроме этого, еще в 4 объектах умершие лежали скорченно на боку, однако на каком именно невозможно точно определить из-за плохой сохранности человеческих костей. И лишь в 3 случаях погребенные были положены вытянуто на спине. Таким образом, преобладающим положением в этой подборке является — «скорченно на боку».

Еще в 21 ограбленном кургане также было возможно определить положение умерших людей. Среди них в 18 случаях зафиксировано скорченное положение на боку (3 — на левом, 3 — на правом, 12 — точно не определено) и в 3 — вытянуто на спине. Такое дополнение существенно не повлияло на предыдущий расклад показателей положения умерших, однако увеличило их общее количество. Стоит добавить, что в тех случаях, когда ПК в виде каменного ящика не разрушена, то по ее размерам можно предполагать вытянутость или скорченность погребенных. По имеющимся данным преобладающим было второе положение. Вытянуто на спине умерших хоронили в неглубоких ямах и на УДГ и, судя по материалам раскопок такое явление отмечается на относительно поздних этапах существования культуры раннескифского времени Горного Алтая. Это подтверждают и имеющиеся при этом находки (см. Тыткескен-VI, к. 26; Солонечный Белок, к. 3 и др.). Л.С.Марсадалов считает, что традиции «вытянутых» и «скорченных» в какой-то период времени сосуществовали /1985, с. 11-12/. Возможно, что с этим стоит согласиться. По крайней мере ситуация, зафиксированная при раскопках курганов на могильнике Тыткескен-VI, говорит в пользу такого утверждения. Так курган 55 имел погребенного в скорченном положении на боку, уложенного на УДГ без четко оформленной ПК, и находился между к.26, где умерший лежал в могильной яме вытянуто на спине, и к.56, в котором наблюдалась предположительно такая же ситуация, как в предыдущем объекте. Оба последние кургана содержали датированные находки: бронзовое зеркало с ручкой, каменная трехжелебчатая застежка (рис.10.-7) и два бронзовых наконечника стрелы (рис.60.-8,10). Все три описанных объекта располагались в одну линию и представляли собой микроцепочку, в которой объекты из раскопа 5 находились ближе всего друг к другу.

Семантика обычая придавать скорченное положение умершим многообразна и различна. Остановимся на этом подробнее. Положение погребенных определяется археологами совокуп-

ностью описаний общего состояния тела, а также различных его частей относительно друг друга, дна и стенок погребальной камеры, сторон света. Это дает почву для возможного объяснения определенных представлений древних людей, а также является хронологическим и культурным показателем при сравнении погребальных комплексов. Поэтому важно зафиксировать и, как можно точно и подробно, описать общее положение и частей тела погребенного человека. Плохая сохранность костей в курганах раннескифского времени Горного Алтая и существенные разрушения не позволяют широко применить имеющийся материал по интерпретации скорченной позы умерших людей, т.к. многое зависит от определенного положения рук, ног, головы. В каждом случае объяснения могут быть разными, а у нас иногда определение позы погребенного имеет общепредположительный характер. Исследователи, занимавшиеся семантикой скорченного положения, полагают, что оно имитирует позу эмбриона в материнском чреве, выражая идею о вторичном возрождении /Рыбаков Б.А., 1987, с.73/, похоже на «скачущего всадника», отражает знаки поклонения кому-нибудь или чему-нибудь (адорация) /Шилов Ю.А., 1995, с.50-70/. Не отвергается возможность реализации положения спящего, кто-то видит в этой позе и эротический смысл.

Ю.А.Шилов считает, что скорченные, как результат свивания покойников веревками или пеленания в саван, можно трактовать не только как препятствие выходу из могилы, но и как знак воскрешения-пробуждения посредством преодоления «пут смерти» в сочетании с идеей могилы-жилища /Там же/.

Скорченность трупов, как массовое явление, отмечается с эпохи энеолита-бронзы и сохраняется до рубежа бронзового и железного века, доживая до VI в до н.э./Рыбаков Б.А., 1987, с.74/.

Вытянутое положение бытовало наряду с преобладающим скорченным. Считается, что это демонстрация противопоставления одно другому. В вытянутости как бы реализуется идея прямохождения, символизирующая победу жизни над смертью. Последнее подтверждается археологическими и этнографическими данными /Шилов Ю.А., 1995, с.51/. Б.А.Рыбаков /1987/ считает, что вытянутое положение связано с представлением о сне, а наличие вещей с представлениями о пробуждении.

Что касается тех немногих погребений раннескифского времени Горного Алтая, где более или менее сохранился скелет человека, то достаточно четко фиксируется поза, похожая на «скачущего всадника» в к.17 могильника Бийке, в к.19 на Бойтыгеме-II, в к.5 на Карбаце-I, где женщины лежат скорченно на левом боку с руками вытянутыми вперед, как бы держащими повод управления лошадью. Стоит при этом заметить, что в этих курганах кроме людей были захоронены и лошади. Возможно, такое же положение умершего человека было в к.9 Усть-Кукюмского могильника, к.1 на памятнике Семисарт-I, а также в ряде одиночных объектах (Бийке, к.5; Н.Тюметин-II и др.).

В кургане I могильника Бийке положение костей рук и подложенные под голову каменные «подушки» говорят о придании покойнику положения спящего человека. Ближе к позе адорации находились остальные «целые» погребения.

Зафиксированные положения на левом и правом боку можно объяснить тем, что, например, у многих народов существуют определенное понимание связи правой стороны с небесами, со светлым началом, а левой — с потусторонностью, с хтоническими силами /Шилов Ю.А., 1995, с.61/. В таком случае погребение людей, лежащих на земляном дне погребальной камеры на левом боку, может иметь подобное объяснение.

Таким образом, проведенные наблюдения при исследовании показателей ориентации и позы погребенных в курганах раннескифского времени Горного Алтая дополняют характеристики, которые даны погребальным сооружениям, и расширяют наши представления о имевшем место обряде захоронения людей той эпохи.

В заключение необходимо обратить внимание на результаты палеоантропологического анализа материалов из раскопанных погребений обозначенного нами времени (см. в приложении статью Тур С.С.). Такая работа была намечена и частично осуществлена рано ушедшим от нас А.Р.Кимом, добрая память о котором неизгладима.

Полученные половозрастные определения позволяют констатировать следующие результаты, основанные только на более или менее хорошо сохранившемся костном материале: взрослые погребены в 59 случаях, зафиксированы остатки скелета двух подростков и в 5 могилах оказались захоронены дети. Наличие немногочисленных детских погребений, при высокой детской смертности в древности, объясняется тем, что кости этой категории людей просто не сохранились. Вероятно, что как раз имеющее место большое количество пустых ящиков, является отражением такой ситуации. Среди 14 погребенных женщин представлены все возрастные группы от 20 до 50 лет. Важным фактом половозрастных определений отмечается то, что в курганах, где захоронены лошади, в большинстве случаев находились женские скелеты. Количество умерших мужчин точно зафиксировано 6 раз.

Что касается других палеоантропологических данных и полученные при этом выводы, то они подробно изложены в приложении к монографии в статье С.С.Тур. Кратко можно лишь сказать то, что в антропологическом отношении население рассматриваемой эпохи было неоднородным и отличалось от представителей афанасьевской культуры. Это заключается в том, что в изученной серии преобладал монголоидный компонент, который, в свою очередь, неоднороден и включает носителей североазиатского и североазиатского типов. Возможно, что такой антропологический тип начинает распространяться в эпоху бронзы, памятники которой менее всего известны на территории Горного Алтая. Кроме этого, наиболее вероятно проникновение на исследуемую территорию такого рода населения с востока или юго-востока, т.е. из Центральной Азии, где обозначенный антропологический тип был традиционно распространен. К особенностям рассмотренных краниологических материалов следует отнести преобладание долихокранной или долихомезокранной формы черепной коробки, хотя не исключается наличие при этом брахикранных форм. Наиболее ярко все перечисленные особенности имели место на целом черепе из могильника Машенка-I /Демин М.А., Шульга Н.И., 1995/, где отражены черты представительницы североазиатского монголоидного типа.

Наиболее вероятно, что население Горного Алтая в раннескифскую эпоху отличалось по антропологическому облику и от носителей пазырыкской культуры этой же территории. Однако такие предположения могут подтвердиться при анализе более многочисленного и хорошо сохранившегося костного материала.

3.3. ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА У НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Рассматривая стороны погребального обряда, который существовал у населения Горного Алтая в раннескифскую эпоху и частично зафиксирован при археологических исследованиях, необходимо остановиться на целом ряде особенностей, позволяющих не только говорить о существовании определенных отличительных традиций, но и сравнить их с подобного рода явлениями на сопредельных территориях. Для этого вначале охарактеризуем погребальный обряд, опираясь на наиболее общие черты, выявленные в ходе анализа всего доступного материала.

Таким образом, чаще всего для умершего человека на уровне спланированного древнего горизонта сооружалась одна ПК в виде своеобразно оформленного каменного ящика, на земляное дно которого укладывалось тело погребяемого скорчено на левом боку, головой на СЗ. Для того, чтобы плиты ящика не завалились, их со всех сторон подпирали большими камнями, закрывая при этом имевшие место при сооружении щели.

Объяснить такую традицию погребального обряда как воздвижение каменных ящиков на УДГ в раннескифскую эпоху Горного Алтая довольно сложно. Конкретно этим пока никто не занимался, поэтому сейчас мы только наметим возможные пути объяснения данного явления. Каменные ПК курганных могильников, как уже было отмечено, своеобразны, отличаются от подобных сооружений предыдущих и последующих эпох прежде всего конструкцией, формой, размерами, а также тем, что в них найдены захоронения не только людей, но и лошадей. Часто в каменном ящике исследователи видят идею создания челна (лодки), отправляющегося далеко вниз по реке в потусторонний мир. Можно, конечно, допустить, что данные представления возникали не только у рыбаков и охотников, но и у скотоводов, живших вблизи рек. Однако, на наш взгляд, такое объяснение должно подтверждаться наличием дна, подстилки, отсутствием перекрытия и т.д.. Поэтому принимать подобную гипотезу было бы сомнительно.

Кроме этого, известно и ряд других интерпретаций каменных гробниц: как выражение идеи чрева и возрождения, как ассоциация с яйцом или скалой, как символика загробного жилья и т.п. /Шилов Ю.А., 1995, с.504-526/.

Можно предположить и другие объяснения сооружению каменных ящиков, например, как имитацию колыбели, погребальной повозки и другое. Главным же остается то наблюдение, что древние люди, по-своему понимая место человека в цепи природных превращений, осознавали смерть как устранение, исчезновение из реальной жизни конкретного индивидуума, уходящего в другой, но похожий на знакомый, мир, где умерший мог реализовать свое дальнейшее существование. Поэтому каменные погребальные сооружения нужно, прежде всего, рассматривать как предоставление возможности перехода в иной мир, как символ обозначения границы потустороннего мира и прочность его основ. Таким образом, каменные ящики являются своеобразными воротами в хтонический (подземный) мир, закрывшимися после смерти человека. Если еще раз посмотреть на исследованные погребальные конструкции, то действительно видно, что вокруг погребенного все перекрыто, единственным незакрытым каменными плитами местом является земляное дно погребальной камеры, именно туда, по представлению людей, воздвигших эти памятники, уходит человек. Таким образом погребальные конструкции отражают переход из одного состояния (жизнь на земле) в другое (жизнь в потустороннем мире). На наш взгляд, люди, которые возводили погребальные сооружения, зафиксированные в курганах раннескифского времени Горного Алтая, не случайно использовали только такой строительный материал, как камень. И дело тут, прежде всего, не в долговечности и статичности камня, а в том, что формирование такой основы погребального обряда могло иметь место лишь там, где такой материал более всего доступен и другой альтернативы ему не существовало. Такие погребальные конструкции, вероятно, сооружались в безлесье или где количество деревьев было очень ограничено. Таким образом, каменные погребальные сооружения должны были создаваться прежде всего на больших степных территориях со скалистыми горами, какие имелись в ряде регионов современных стран: Монголии, Китая и Казахстана. Поэтому истоки такой традиции были принесены в Горный Алтай, вероятно, из таких мест теми людьми, которые нашли здесь некоторые схожие природные условия.

После смерти человека образ его живет в памяти родственников, является во сне, создает ложное ощущение присутствия, вызывая при этом беспокойство, определенные заботы, мысли и действия, выражающиеся в организации поминальных, культовых и ритуальных мероприятий. Это выражалось в устройстве разных выкладок.

Вокруг сооруженной ПК, на том же уровне, устанавливалась кольцевая выкладка в виде крестов или стенок. Пространство между КВ и ящиком не просто забрасывалось камнями, а тщательно выкладывалось и лишь после этого имело место хаотичная наброска, придававшая холмообразный вид. Довольно часто в исследуемых курганах КВ не была зафиксирована. Возможно,

что в этом частично выразились издержки раскопок по существующей методике исследований таких объектов со сложными конструктивными особенностями. Поэтому наиболее оптимальным условием в такой работе необходима послойная записка насыпи и фиксация всех выявленных наблюдений. Такой подход тем более перспективен, так как многие внутрикурганные конструкции скрыты под верхними слоями наброски, которая к тому же со временем распалась. Именно такая методика исследований курганов раннескифского времени на могильнике Бийке и Карбан-I позволила зафиксировать конструкции погребальных сооружений. Однако также вероятно, что такие выкладки попросту отсутствовали или их невозможно было выделить на фоне единообразной массы камней даже при внимательной разборке. Поэтому отсутствие КВ как одна из черт погребального комплекса имеет право на выделение и, вероятнее всего, она отражает ситуацию относительно ранних и более поздних этапов выражения определенных традиций погребального обряда населения Горного Алтая в раннескифское время.

Наблюдения, полученные при раскопках курганных могильников изучаемого отрезка времени, где более половины исследованных погребений оказались со следами разрушений, предполагают более подробный анализ вопроса планировки этих археологических памятников.

Курганы на известных могильниках располагаются, в основном, группами на всей площади террас, которые почти со всех сторон закрыты высокими горами. Ряды и группы курганов раннескифского времени, располагавшиеся в определенном порядке, отражали хронологические различия между объектами и родственные отношения погребенных людей. Кроме того на памятниках зафиксированы сооружения из камней ритуального и поминального характера, находящиеся или в отведенном для этого месте, или пристроенные к кургану, или воздвигнутые в межкурганном пространстве. Эти объекты представляли собой простые выкладки из камней в виде холмообразной невысокой насыпи. Рядом с ними найдены каменные изваяния, среди камней наброски обнаружены части зернотерок, кости, следы огня, немногочисленные фрагменты керамики.

Остановившись на планиграфии изучаемых археологических памятников, необходимо еще раз отметить определенный порядок в расположении курганов на всей территории могильного поля: микроцепочками в 2-3 объекта, ориентированными по линии ЮЗ-СВ, и небольшими (до 5 объектов) компактными группами. Подобная картина наблюдается на большинстве курганных могильников, где обнаружены погребальные сооружения, относимые к раннескифскому времени /Бийке /Тишкин А.А., 1996ж, Тыткескен-I, VI; Марсадалов Л.С., 1981а, с.11-12; Суразаков А.С., 1990б, с. 56-67 и др./.

Решение проблемы интерпретации расположения курганов на могильном поле и их внутреннего устройства приводит к тому, что мы имеем здесь дело с имитацией реально существовавших жилищ и конкретной планировки поселений определенных территориально-локальных групп населения. А.С.Суразаков считает, что погребальные сооружения подобного плана сооружены разными семейно-родственными коллективами (общинами) /1990б, с.61/, П.И.Шульга предполагает, что цепочка курганов являлась местом захоронения рода или большой патриархальной семьи /1989, с.42/. Так или иначе, но перед нами на курганных могильниках раннескифской эпохи представлена имитация аильной планировки поселка, характерной для кочевого и полукочевого образа жизни родственной группы людей. Подобная планировка преобладала в Горном Алтае в эпоху раннего железного века, что подтверждает и незначительная площадь поселений, где люди могли проживать одновременно в 2-3 жилищах /Там же, с.41-44/. Последнее находит реальное отражение в микроцепочках известных курганных могильников раннескифского времени на Алтае. Что касается групп курганов, то это результат пристройки погребений семьями, проживающими несколько позднее.

Стоит отметить еще одно наблюдение при интерпретации планиграфии курганных могиль-

ников раннескифского времени: некоторые курганы с самым большим диаметром насыпи и рядом характерных особенностей располагались крайними с юго-западной стороны цепочки. Данное обстоятельство можно объяснить имитацией существования на поселении жилища, где, возможно, проживал старший представитель рода или семейно-родственной группы.

Определенное направление в расположении жилищ на местности связывается с традиционной ориентацией входа-выхода. У носителей скифской культуры в Горном Алтае она, возможно, была восточная /Там же, с.43-44/. Проследить наличие входа на массовых материалах курганных могильников нам не удалось, но все же имеются сведения об отдельных специально оформленных «воротах» в курганах раннескифской эпохи Горного Алтая /Сурьязков А.С., 1990б, с.62/. При дальнейших исследованиях стоит обращать большее внимание на такого рода явления в ПС интересующего периода времени и, может быть, подтвердиться ранее выявленная закономерность, что ориентация входа перпендикулярна направлению цепочки жилищ /Шульга Н.И., 1989, с.44/.

Подвижный образ жизни предполагает наличие определенных особенностей в конструкции жилищ, отражающих, прежде всего, возможность его переноски, быстрого сооружения, сворачивания, использования при этом подручных средств, материалов и т.п. Наиболее широко в таком плане применялось сооружение типа юрты конической или полусферической формы, в основании которого положен круг. Данное обстоятельство нашло свое отражение при сооружении значительного количества курганов, где под камнями наброски зафиксированы кольца-стенки, выложенные из камней плиточных форм в несколько слоев (до 8 слоев, высотой до 0,7 м), и кольца-крениды из больших, чем основная масса камней, составляющих наброску в один или местами в два слоя. Необходимо отметить, что население оставившее такие сооружения, по всей видимости, не владело приемами кладки, позволяющей связывать всю конструкцию в единое целое, поэтому часть каменной стенки, чтобы она не упала, не разрушилась, подпиралась валунами или вкопанными (забитыми) и поставленными вертикально плитами с внутренней, иногда и с внешней стороны круга. То обстоятельство, что племена раннескифской эпохи Горного Алтая не знали приемов связывающей каменной кладки, легко объяснимо. Это не требовалось при сооружении, например, жилища или загонов для скота, где несущие конструкции изготовлялись из жердей. Кроме того, группы людей, ведущие подвижный образ жизни, не имели тех традиций строительства, которыми располагало оседлое население при создании объектов хозяйственного, защитного и другого назначения. Сооружение же кольцевой крепиды или стенки из камней — это элемент отражения конструкции жилища, который был нужен для основания и создания общей прочности возводимой постройки, а также для ряда других практических предназначений, например, чтобы прижать войлочную (или другую) обкладку каркаса жилища, предохранив ее от срыва во время ветров. В таком случае сооружение круга внутри курганной насыпи по ее периметру символизирует, в первую очередь, жилище и защиту /Басилов В.Н., 1993 с.189/, а затем, может быть, религиозные и другие воззрения /Шилов Ю.А., 1995, с.553-608/. Такому подходу к интерпретации погребальных сооружений могут помочь уже проведенные подобные исследования в других регионах /Гаврилюк Н.А., 1989, с.25-26/, а также этнографические исследования, на основе которых определен главный тип жилищ скотоводов-кочевников как переносной шатер различных форм, покрытый шерстяными полотнищами (ткаными или валяными) или кожей /Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955, с.9/.

Определенное значение играли выделявшиеся на поверхности курганов стелы или обелиски и оленные камни (рис.25; рис.31; рис. 32), которые, вероятнее всего, были символами очага, дома и свидетельства на территорию /Сорокин С.С., 1981, с.34/. На двух плитах из к.8 и к.9 могильника Бийке (рис.25) отмечены антропоморфные черты /Тишкин А.А., 1994б, с.46-59/.

Хронология существования и семантика подобных изображений подробно рассматривалась в литературе /Кубарев В.Д., 1979, с.42-45, 57; Кубарев В.Д., 1993; Савинов Д.Г., 1994б; Суразаков А.С., 1994 и др./ . Стоит добавить, что такое схематическое антропоморфное изображение, являющееся связующим звеном с загробным миром ушедших из реальной жизни предков, формирует различные культовые ритуалы поклонения идолам. Именно поэтому стелы, в первую очередь, были опрокинуты при осквернении ПС, как факт надругательства над обычаями определенных людей и лишение их прав владения территориями. Традиция воздвижения на могиле столба, ассоциировавшегося с подпоркой кровли жилища (осью мироздания) и с мировым деревом, вырастающим из земли, и с покойниками-отцами фиксируется в Ригведе /Шинлов Ю.А., 1995, с.55/. Наличие оленных камней в погребальных комплексах раннескифского времени Горного Алтая уже не редкость, а отражение определенной черты погребального обряда, что требует отдельного исследования.

Кроме стел, рядом с курганами, в ряде случаев с западной и восточной стороны (иногда с небольшими отклонениями, но на одной линии), зафиксированы вкопанные вертикально в землю плоские камни — балбалы, выполняющие функции, находящихся вблизи с жилищем коновязей. Подобная ситуация отмечена и при раскопках на могильниках Бийке, Кор-Кобы-І, Тыткескен-VI (рис.11) и других, датированных раннескифским временем. А на погребальном памятнике Айрыдаш-І рядом с балбалом находилась яма, в которой была захоронена лошадь /Суразаков А.С., Чевалков Л.М., 1988; Суразаков А.С., 1990, с.198/.

Также, как и под жилище, площадка, на которой сооружался курган планировалась. Несомненно, что делалась какая-то разметка для реализации сооружений. Внутри некоторых кольцевидных выкладок на уровне спланированного горизонта выкладывался «пол» или «дорожки» из мелких плиток (Бийке, Карбан-І и др.).

Таким образом, при анализе погребальных сооружений курганных могильников раннескифской эпохи Алтая выявлено ряд элементов планировки и возведения жилищ, позволяющих частично восстановить некоторые стороны культуры населения, оставивших эти памятники.

Теперь перейдем к тем особенностям изучаемых захоронений, которые не зафиксированы повсеместно на исследуемой территории. Наверняка ряд таких выделяемых признаков при дальнейших исследованиях перейдут в разряд заурядных черт зафиксированного погребального обряда. При раскопках курганов обнаружены балбалы. Это наиболее ранняя форма использования вкопанных плоских камней в землю в качестве коновязей. Такое оформление, особенно при установке их за кольцевой выкладкой у могил забитых лошадей, подтверждает в совокупности с другими фактами реализацию погребения в виде имитированной формы реально существовавших жилищ.

Интересной особенностью в исследованных объектах являются находки фрагментов или целых каменных зернотерок. Это нашло свое отражение на некоторых курганных могильниках: Карбан-І, Кызык-Телань-І, Кор-Кобы-І, Семисарт-І и др. Известны факты подобных находок в насыпях курганов в пазырыкское время. Судя по тому, как установлены в наземную конструкцию кургана 26 могильника Карбан-І два нижних камня зернотерки, то стоит предполагать, что это сделано не случайно и отражает наличие какого-то культа, связанного с земледелием или определенным родом деятельности, связанной с переработкой растительной пищи.

Среди зафиксированных ПК количество ям, в которых был погребен человек, невелико, поэтому пока трудно сказать является ли это особенностью погребального обряда или традиционной чертой, имевшей место на всем протяжении существования населения, оставившего своеобразные памятники. Однако одну особенность, связанную с сооружением могильных ям, стоит отметить.

На могильнике Бийке обнаружено погребение в подбое, закрытом большой плитой (к.7). Сам факт наличия подобного погребения в Горном Алтае, датируемого, по совокупности всех признаков раскопанного комплекса курганов могильника Бийке, раннескифским временем, большая редкость. Подобные захоронения немногочисленны и для скифской эпохи этого региона /Могильников В.А., 1994а, с. 35-39/. По времени существования наиболее близки погребения женщин в подбоях, найденные на могильниках Карбан-I /Демин М.А., Гельмекх Ю.И., 1992, с.28-30/ и Машенка-I /Демин М.А., Шульга П.И., 1995, с.98-101/. Последние имеют очень много схожего между собой, но существенно отличаются от захоронения в кургане 7 могильника Бийке. Различия связаны, скорее всего, с причинами относительно-хронологического характера. Это дает возможность предполагать то, что могила с подбоем на Бийке сооружена раньше, чем остальные известные нам в Горном Алтае могилы такой конструкции. Возможно, раскопанное погребение является действительно показателем каких-то брачных связей с другими племенами /Могильников В.А., 1994, с.38-39/. Однако не исключена и попытка предохранить захоронение человека от осквернения или, в данном случае, имеет место отражение религиозных представлений древних людей относительно умерших.

Особое место в погребальных сооружениях курганных могильников исследуемой эпохи занимает оформление захоронения лошади и отдельных частей ее туши. Плохая сохранность костяков животных не позволяет в полном объеме зафиксировать многие нюансы обряда погребения коней в курганах раннескифского времени. Сам факт присутствия остатков этих животных в погребальных комплексах можно объяснять по-разному: как заупокойные дары, пища для покойника, остатки совместной родовой трапезы, снабжение необходимым средством передвижения, как личный верховой (боевой) конь, или как имитация лошади и т.д.. Семантику зарождения культа такого животного, как лошадь, необходимо, на наш взгляд, связывать с определенным типом ведения хозяйства той эпохи, с обычаями, формирующимися в ходе жизнедеятельности скотоводов и с представлениями о том, что в загробном мире человек должен быть снабжен всем тем, что было у него в этом мире. Данная тема уже не раз специально рассматривалась рядом исследователей /Потанов Л.П., 1977, с.164-178; Веленицкий А.М., 1978, с.31-39; Толеубаев А., 1984, с. 35-40; Кузьмина Е.Е., 1977 и др./.. Это достаточно большой вопрос и требует отдельного изложения. В нашей работе мы ограничимся некоторыми наблюдениями, полученными в ходе исследования курганов известных могильников и анализа материалов, касающихся остатков лошадей. Как правило, в то время с погребением человека укладывалась одна лошадь, лишь в нескольких случаях их обнаружено две и больше (к.10 на Бийке, к.5 на Карбане-I, на могильнике Черный Ануй-I, Ак-Алаха-II и др.). Убитое животное помещали в отдельную погребальную камеру, которая представляла собой отдельную яму, иногда обложенную каменными блоками, или конструкцию (в виде кольца или ящика), примыкавшую с восточной (юго-восточной, северо-восточной) или южной стороны к каменному ящику с погребением человека. Имеются зафиксированные остатки лошади без четко выделенного сооружения, но на том же месте, что остальные. Животные, как правило, располагались, так же как и человек, на уровне спланированного древнего горизонта, однако иногда зафиксирована подсыпка в погребальной камере, предназначенной для лошади. Последнее, вероятно, было сделано для того, чтобы с убитого животного кровь не растекалась, а быстро впитывалась в рыхлую землю. Как уже отмечалось, ориентированы животные в ту же сторону, что и человек. Возможно, именно в этом обозначена главная суть захоронения коня.

Положения животных различаются: на правом боку с подогнутыми ногами, на левом боку с вытянутыми ногами и на животе с подогнутыми ногами. Вероятно, на ряде могильников, в частности на Бийке и Семисарте-I, имела место имитация целого животного в виде сделанного чучела из шкуры и костей или наличие последних в могиле олицетворялось с идеей воскреше-

ния коня в ином мире. Подобные факты в изучаемый нами период времени уже отмечались.

На большинстве исследованных захоронениях лошадей из курганов раннескифского времени Горного Алтая имеются нарушения черепов животных или вообще отсутствие такой части скелета животного. Первое, вероятно, связано с традиционным способом забоя жертвенного животного, а второе можно трактовать как обозначение туши в виде заупокойной пищи, хотя и возможно, что голова лошади использовалась для исполнения каких-то поминально-культовых обрядов, тем более, что зафиксировано несколько фактов отдельного захоронения только этой одной части тела животного в VIII-VII вв до н.э., иногда и с остатками узды /Ефремов С.А., 1995, с.90-98; Маргулан А.Х. и др., 1966, с.321-313 и др./. В Усть-Кумокском могильнике, где зафиксирован факт отчленения головы лошади, скорее всего, отражен способ забоя животного путем перерезания горла и дальнейшего отделения этой части тела в районе шеи /Марсадолов Л.С., 1981, с.13-16, рис.2/. Явно с целью положения заупокойной пищи в погребальных сооружениях ряда курганов (например, в к.19 и к.20 на Бийке) фиксируются части туши лошади /Тишкин А.А., 1996ж/.

Таким образом, на курганных могильниках раннескифского времени Горного Алтая нашло отражение наиболее раннее формирование различных вариантов погребального обряда человека с конем, главным образом связанных с ведением такого типа хозяйства и образа жизни, когда лошадь являлась основой существования людей.

Кроме костей захороненных в курганах лошадей были встречены остатки таких животных, как овца. Последние найдены в отдельно сооруженной ПК (Семисарт-I, к.1) или находились вместе с конем (Машенка-I, Солонечный Белок), а на Бийке (к.19) - рядом с частью конской туши. При раскопках к.5 могильника Карбан-I обнаружены между камнями насыпи кости ноги козленка в сочленении от копыта до плеча. Эти свидетельства отражают складывание такой традиции погребального обряда, как положение заупокойной пищи не только в виде разных частей туши лошади, но и других животных, разводимых в хозяйстве того населения, которое оставило исследованные памятники. Данные обстоятельства также являются особенностью исследуемого погребального комплекса раннескифской эпохи Горного Алтая.

Что касается месторасположения курганов на рассматриваемой территории, то они базируются вблизи районов бассейна р.Катунь (среднее и нижнее течение) (рис.2). Курганные могильники находятся и на левом, и на правом берегу самой крупной реки Горного Алтая, как правило, близ впадения в нее притоков, на террасах и в долинах. Если посмотреть где обнаружены другие памятники из тех, что мы представляем, то таким образом будут замечены пути проникновения или перемещения какой-то части населения в обозначенную эпоху. Исходя из известных материалов, такая миграция происходила в северо-западном направлении по рекам Песчаная, Ануй, Чарыш и другим и имела место в относительно более поздние этапы существования исследуемой культуры (Черный Ануй-I; Машенка-I, Чесноково-I и т.д.). Есть еще одно возможное направление распространения носителей культуры раннескифской эпохи Горного Алтая - юго-западное (рис.1). Такой факт подтверждается наличием там схожих памятников. Однако этих материалов пока недостаточно для полного утверждения высказанного положения, т.к. можно предполагать и обратный процесс. Необходимо обратить внимание и на определенное количество памятников раннескифского времени в долине р. Чуи, т.е. к юго-востоку от основной массы изученных курганных могильников. На наш взгляд, это является отражением первоначального пути проникновения на территорию Горного Алтая носителей той культуры, на основе которой формируются в дальнейшем все те традиции, зафиксированные в исследуемых памятниках на р.Катунь.

Таким образом, в результате картографирования курганных могильников раннескифской эпохи Горного Алтая ясно, что основным районом локализации населения в то время был

Центральный Алтай (рис.1), а если конкретно — бассейн р.Катунь (рис.2). Причем эта территория в указанный период имела достаточно высокую плотность населения. Кроме этого намечались пути перемещения каких-то групп людей в разные районы Алтая.

Еще целый ряд особенностей рассматриваемых археологических памятников непосредственно связан с найденными при раскопках вещами. Такие вопросы будут отражены в следующей главе.

В принципе, весь спектр рассматриваемых общих и особенных признаков погребального обряда раскопанных захоронений позволяет с уверенностью говорить о том, что мы имеем дело со своеобразной культурой на территории Алтая, которая отличается от известных и хорошо изученных культур. Теперь постараемся сравнить полученные данные с материалами этой же эпохи на сопредельных территориях.

На наш взгляд, наибольшая вероятность существования базы для формирования погребального обряда, зафиксированного в представленных курганных могильниках, находилась в северо-западных районах Монголии вблизи с границей Тувы и Алтая, а затем при дальнейшем распространении носителей такой культуры приняло то содержание, которое мы наблюдаем в разных регионах Азии. Поэтому при поиске истоков обрядовости раннескифского времени перспективно изучение археологических памятников в указанном районе. Хотя в этом плане проведены немногочисленные исследования, все же не приходится сильно сомневаться в общности исследуемых нами памятников и тех, что имеются на территории Северо-Западной Монголии. Устройство и погребальный обряд их таков: в центре, под курганом, находится каменный ящик или сооружение, напоминающее кисту, из больших плоских камней, в которых на уровне древнего горизонта или в очень неглубокой яме был уложен человек на правом или левом боку с подогнутыми ногами, ориентированный на запад или северо-запад; курганы имеют крепиду, ограду или более сложное устройство /Волков В.В., 1965, с.10-13/. Выше высказанные предложения могут подтвердиться и тем, что на имеющихся материалах из Монголии хорошо прослеживается преемственность памятников от эпохи бронзы к эпохе раннего железа /Новгородова Э.А., 1989, с.236-237/, в то время как на Алтае такая ситуация не фиксируется. По мнению Э.А.Новгородовой, обилие памятников переходного периода в Монголии связано с значительным ростом населения благодаря, возможно, притоку населения /Там же/. Данный факт предполагает то, что именно поэтому имело место проникновение какой-то части людей в Горный Алтай и другие близлежащие территории (Тува, Казахстан и др.), где фиксируются общие черты погребального обряда известных по раскопкам курганов.

Высказанные нами соображения по поводу того, на какой основе и где начинает формироваться исследуемый нами в Горном Алтае погребальный обряд раннескифской эпохи ранее предполагали Н.А.Боковенко /1986б, с.21/, А.С.Суразаков /1988б, с.169/ и некоторые другие.

Исходя из логики всех этих рассуждений, наиболее схожими должны быть погребальные комплексы в Туве. Именно так оно и есть. В этом плане обратимся к основным характеристикам, сделанным А.Д.Грачом для алды-бельской культуры на основе 14 могильников, где было раскопано 36 курганов (127 погребений) /1980, с.24-30/ (сейчас количество материалов существенно увеличилось: см. /Савинов Д.Г., 1994а/).

Конструкции погребальных сооружений названной культуры имеют следующие признаки: 1 — курганы располагаются на могильниках особняком, парами по линии Ю-С или по три, примыкая друг к другу; 2 — каменная курганная насыпь округлая или подовальная и, в большинстве случаев, имеет по периметру крепиду; 3 — как правило, алды-бельские погребения одиочные, совершались в каменных ящиках подпрямоугольной формы, составленных из вертикально врытых плит (дно грунтовое), при этом отмечены случаи употребления деревянных распорок и нащельников из мелких плит; 4 — в одном кургане обнаружено от 1 до 7 и

более отдельных погребений вокруг одного (главного), погребения детей иногда вынесены за пределы крепиды; 5 — положения погребенных скорченные, обычно на левом (реже на правом) боку, ориентация головой на запад (преобладает) и северо-запад; 6 — вблизи уровня древнего горизонта, у края могильной ямы центрального захоронения поменали уздечные наборы, но сопроводительных захоронений ни в одном рядовом кургане встречено не было. К этому стоит добавить наличие «царского» кургана Аржац, имеющего своеобразные погребальные комплексы.

В общем, можно на данных анализа погребального обряда говорить не только о близости культурных традиций населения Горного Алтая и Тувы в раннескифское время, но и об их единой основе /Савилов Д.Г., 1994а/.

Существование культур такого плана было эпохальным явлением для огромной территории Евразии. Об этом уже не раз упоминали исследователи, делая определенный анализ (М.П.Грязнов, А.Д.Грач и др.). М.П.Грязнов считал, что в сложившихся формах общия скифо-саянская культура появилась в разных частях Великого пояса степей почти одновременно в VIII в до н.э.. Население Горного Алтая, находясь почти в центре такого формирования, наряду с собственным развитием, естественно испытывало ряд влияний из других регионов в результате контактов. В то же время имел место и обратный процесс воздействия, т.е. шло взаимопроникновение культурных традиций /Степная полоса1992/. Последнее довольно хорошо просматривается при анализе и сравнении алтайских и казахстанских материалов.